

Сталь

Автор:

Anne Dar

Сталь

Anne Dar

Конец 21-го века. Человечество с напряжением наблюдает за стремительными климатическими изменениями на Земле, когда возникает вирус «Сталь», за считанные дни ввергающий мир в хаос. Молодая девушка в компании несовершеннолетних племянников пытается пересечь охваченную пандемией Европу, чтобы воссоединиться с остатками своей семьи, но её путь искажается под прессом ужасов, происходящих на дорогах. Герои быстро понимают, что их компания слишком слаба, чтобы противостоять безжалостному башмаку «Стали», уверенно поставившему человечество и человечность на колени.

Содержит нецензурную брань.

Anne Dar

Сталь

Часть 1.

Глава 1.

Я резко распахнула глаза. Первым, что увидела, стали дата и время – неоновые зеленые цифры, мигающие на циферблате прямоугольных прикроватных часов. Впоследствии именно эти цифры я буду считать началом нового, непохожего ни на какие времена, времени.

Второе августа 2094 года, ранние пять часов, одиннадцать минут утра.

Меня что-то разбудило. Определённо точно это была звуковая волна. Может быть, гром?..

Я машинально посмотрела в панорамное окно, перед которым стояла массивная двухместная кровать, в которой я просыпалась уже шестое утро. Восход солнца, если верить всё тому же часовому циферблату, сегодня состоялся в 04:03. За тот час восхода, который я без зазрения совести, совершенно спокойно проспала, природа успела пробудиться: ранние солнечные лучи заливали боярышник и два тутовых дерева, растущие во внутреннем дворе прямо перед домом; на голом флагштоке аккуратно балансировала оляпка; за высоким соседским забором, сделанным из лакированных деревянных балок, лениво подавал голос старый пёс породы ретривер по кличке Инглинг.

Некоторое время я продолжаю лежать в постели, прислушиваясь к окружающей меня рассветной тишине, но больше ничего не слышу. Даже соседский ретривер замолчал после пяти контрольных тявканий.

Окончательно убедившись в том, что ничего не происходит, я потягиваюсь, гулко выдыхаю, сбросив с себя нагретое сонным телом одеяло, поднимаюсь с постели и направляюсь к окну. Босые ноги приятно воспринимают текстуру тёплого паркета из тика, я случайно наступаю пяткой правой ноги на приспущенные пижамные штаны и сразу же поправляю их. За окном разливается тёплый рассвет, обещающий жаркий день, ясное небо и ни единого облака или хотя бы дуновения ветра. Неужели это был гром среди ясного неба?.. Нужно будет посмотреть прогноз погоды на сегодня...

Развернувшись, направляюсь в уборную, но по пути задеваю правой ногой собственную походную сумку, собранную мной накануне. Гулко выдохнув и мысленно закатив глаза, я всё же не меняю ни места расположения сумки, ни своего маршрута.

Уже спуская воду в унитазе я понимаю, что хотя и не ощущаю ничего особенного, всё же способ моего пробуждения внёс в моё душевное состояние некий дискомфорт в виде тонкого беспокойства, хорошо маскирующегося под утреннюю сонливость. Отложив на потом момент утренней гигиены и переодевание, я спускаюсь на первый этаж и сразу же направляюсь на кухню, чтобы заварить себе лёгкий кофе. Пока ожидаю положительного результата от кофемашины, начинаю просматривать свежие публикации новостных интернет-порталов, но ничего интересного так и не нахожу, за исключением того, что сегодня ожидается +20°C без осадков и с абсолютным безветрием.

Кофемашина наконец просит меня извлечь из её грота готовый напиток, но я уже слишком сильно сосредоточена на отсутствии новостей, поэтому лишь выключаю машину и отставляю ароматное латте в сторону. Телевизор я в своей жизни смотрю реже, чем плаваю нагишом в природных озёрах, но за последние пять дней я почти сравняла этот лишённый смысла счёт. Пульт я нахожу здесь же, на кухонной столешнице, и, наконец включив телевизор, следующие пять минут пролистываю новостные каналы. Ничего существенного так и не нахожу: сплошные межгосударственные споры за территорию и власть на валютных рынках, медицинские статистики, политические дебаты, экологические предсказания и между этим всем реклама ортопедических стелек, сверхнового детского питания, бесконтактной краски для волос, нового караоке-бара в центре Осло и экспрессивные обещания туристических агентств, естественно не соответствующие реальности. В очередной раз сделав вывод о том, что телевидение беспощадно, я убавляю звук телевизора, беру свою порцию утреннего латте и направляюсь к широкой панорамной двери, чтобы насладиться утренней прохладой стоя на деревянной террасе, всё ещё покрытой тенью дома, смотря на неестественно ровный и зелёный газон, только начинающий заливаться утренними лучами солнца.

То, как сейчас ведут себя люди, стоит им только услышать гром среди ясного неба или лишь заподозрить что-то неладное, неудивительно. Я не одна такая, с этим тиком, если подобное поведение можно определить данным словом. Однажды я видела, как из-за кратковременного града в переполненном баре едва не случилась настоящая, страшная своей зрелищностью давка. Град в апреле – ничего особенного, ничего больше, но в наше время людям этого пятиминутного природного явления достаточно, чтобы начать кричать об апокалипсисе и впадать в панику. Правда очень часто бывает страшна. Все люди знают, что не готовы к апокалипсису, причём к любому его виду, без исключений, поэтому любой, даже самый незначительный намёк на подобную возможность всегда заканчивается паникой: мелкой, вроде просмотра всех

новостей на всевозможных ресурсах, либо крупной, вроде давок в городских барах и метро, – но это всегда паника. Остаётся лишь надеяться на то, что я всё же не особенно подвержена всему этому бреду, разлившемуся по земному шару в виде новостных сводок о скором вымирании человеческого вида. Хотя кого я обманываю? Смысл врать самой себе? Хотя я и не вникаю в весь этот театр абсурда, я, как и все мои современники, являюсь свидетелем неоспоримых фактов грядущей трагедии и, как преимущественное большинство, надеюсь успеть состариться и умереть именно от старости до того, как этому безумному миру придёт неизбежный конец. Лет восемьдесят – неплохой возраст. Если умереть именно в этом возрасте, получается, что у меня в запасе есть ещё пятьдесят пять лет. Хотя кого я вновь пытаюсь обмануть? Зачастую мой образ жизни может организовать для меня конец задолго до моего восьмидесятилетия, и он откровенно часто рискует стать куда более красочным, чем заурядное угасание старческого тела в собственной, если повезёт, постели. Тихая смерть от старости, да ещё и в собственной постели – слишком хороший расклад. Но кто сказал, что слишком хороших раскладов не существует? Существует. Ещё как существует! Одна моя знакомая, не красавица, да и не особенно умная, пару лет назад вышла замуж за русского олигарха, уже родила от него двоих детей и сейчас постит во всех доступных ей социальных сетях свои лакшери-фотографии с яхты, дрейфующей где-то между Охотским и Беринговым морями. Неизвестно, насколько она счастлива – после свадьбы мы с ней не общались, – но я бы себе подобной жизни точно не пожелала. Муж-собственник, круглогодично запирающий тебя на яхте, подозрительно напоминающей самодостаточный город, где тебе особенно нечем заняться, кроме как рождением детей. Даже лучшим шампанским толком не насладишься, потому что ты либо беременна, либо занята грудным вскармливанием. Хуже только выйти замуж не по любви. И всё же, если обещаемый всевозможными ораторами апокалипсис вдруг начнётся с суши, собственная яхта могла бы пригодиться каждому из нас. Но только лишь в том случае, если вода не обернётся против человечества первой.

С чего вообще началась вся эта истерия с приближением конца света? Определить час “X” не составит труда любому человеку, возрастом старше пяти лет. Ровно пять лет назад Евразия вдруг “разрезалась” на две части. Не то чтобы напополам, континентальный разлом получился даже маленьким, если смотреть на него из космоса, однако для человечества образование нового континента за считанные годы стало настоящим фильмом ужасов. Тектонический разлом прошел по территории Италии, Австрии, Словакии, Польши и Украины, с обратной стороны отделив получившийся кусок пирога территорией Турции – здесь разлом пришелся всего в десяти километрах от Стамбула, после чего

Чёрное и Мраморное моря слились в одно, вскоре названное морем Разрыва. Карта мира перекроилась не за одну ночь, естественно, но всё равно за достаточно быстрый промежуток времени: начавшийся пять лет назад тектонический разрыв завершил своё формирование лишь спустя два года, образовав не только одно новое море – море Разрыва, – и один новый, ныне самый длинный на планете Земля пролив – пролив Памяти, теперь соединяющий Адриатическое с бывшим Чёрным морем, – но и новый, самый маленький из всех континент, который не менее красноречиво и поспешно наименовали Дилениумом – от слова “отделённый” или “разделённый”.

В течение тех двух лет, в которые карта мира меняла свои очертания, словно разрезаемый острым лезвием пирожок, земной шар штормило со всех сторон. Самым частым явлением в те два безумных года были землетрясения – они случались даже на территориях, на которых подобное поведение тектонических плит прежде зафиксировано не было. За два календарных года климат на Земле изменился практически везде: где-то почти незаметно (Евразия, Австралия), где-то до неузнаваемости (Северная и Южная Америка, Антарктида, Африка). И хотя самые страшные катаклизмы закончились так же резко, как и начались, ровно три года назад, люди до сих пор не могут поверить в то, что всё обошлось малыми жертвами: триста миллионов погибших, пятьдесят миллионов пропавших без вести, из которых впоследствии нашлись погибшими почти два миллиона, а живыми нашлось меньше одного миллиона. Что такое триста пятьдесят миллионов пострадавших душ на фоне восьмимиллиардного населения земного шара? Даже если прибавить к этой цифре пострадавших непосредственно из-за тектонического разлома и тех, кто пострадал за этот же промежуток времени от глобальных климатических всплесков вроде привычных человечеству землетрясений, цунами, извержений вулканов и прочих заранее предсказанных всеми популярными оракулами и метеосводками “неожиданностей”, всё равно число погибших не составит миллиарда, а число пропавших без вести не достигнет и двухсот миллионов.

И хотя до апокалипсиса вся эта история с образованием нового континента не дотянула, всё же на трейлер эпического фильма это было очень даже похоже. Отсюда у людей теперь столько страхов при любом громе, молнии, дожде, даже при солнечной погоде.

Зато, после пережитого, всех людей на планете объединяет интерес как минимум к двум темам: метеосводки и новости о Дилениуме. И как бы ты ни старался абстрагироваться от всего этого, ты сам волей-неволей несколько

десятков раз в год просматриваешь родную метеосводку и имеешь своё мнение относительно политики, развернувшейся в Дилениуме.

Новая правящая власть на Дилениуме установилась достаточно быстро – всего спустя двадцать три дня после окончания формирования нового континента. Как только Дилениум окончательно отделился от Евразии водным пространством, Европейские страны потеряли связь со своими бывшими территориями. Посредством военной силы Временное Правительство Дилениума захватил и поспешно казнил уже известный миру политик Харитон Эгертар, в прошлом свергнутый президент Северной Македонии, за три недели проигравший собственноручно начатую войну с Албанией.

Захватив власть в Дилениуме, первым делом Эгертар отменил границы между всеми лежащими внутри Дилениума странами, объявив Дилениум не только отдельным континентом, но и единой страной. После этого он учредил на территории бывшей Албании, высокоразвитой страны, последние пятнадцать лет бывшей в центре внимания из-за своих резких успехов в сфере медицины, столицу новообразованного государства – Кар-Хар. Новая столица была выстроена с нуля буквально за пару лет и, если верить ненадёжным новостным сводкам, до сих пор продолжает отстраиваться. Однако доверять тем новостям, что до Большой земли долетают со стороны территории, на которой цветёт и пахнет режим жёсткого тоталитаризма, едва ли можно всерьёз. В Дилениуме сейчас с политикой всё настолько плохо, что у них даже название столицы составлено из личных имён их диктаторов: Карен и Харитон Эгертар = Кар-Хар. Эгертар настолько сильно любил свою погибшую во время одного из масштабных землетрясений жену, что в наименовании своей столицы поставил её инициалы перед своими. От жены у Эгертара осталась единственная дочь-подросток Ивэнджелин, однако в честь неё отец ещё не назвал ни единого города. Бедный ребёнок: быть дочерью кровавого диктатора – что может быть хуже? Наверное, хуже только однажды превратиться в его подобие. Карен и Харитон – Кар-Хар – будут ли помнить о них потомки и, если будут, в каком свете?..

Из-за тектонических движений миллионы людей на Земле лишились не только своих домов, но и родных территорий. За те два года, в которые Евразия отрывала от себя Дилениум, количество беженцев достигло двенадцати миллионов душ, но как только власть в Дилениуме была захвачена Эгертаром и его приверженцами, миграционная ситуация резко усугубилась. Всего за три месяца пребывания Харитона Эгертара у власти количество людей, бросившихся

в бега, на сей раз из-за политических преследований, превзошло количество тех, кто был вынужден отправиться на поиски нового места жительства по причине климатических трагедий. Четырнадцать миллионов душ сбежало из Дилениума всего за считанные девяносто два дня! На девяносто третий день правления Эгертара Дилениум официально закрыл свои границы и усилил контроль по всему периметру своих границ до максимального, и даже сумасбродного уровня. Людей, пытающийся нелегально покинуть Дилениум, по сей день отстреливают, словно перелётных уток. Если кто-то каким-то чудом и добирается до Большой земли вплавь, на этой стороне счастливику, родившемуся в рубашке, оказывают максимальную возможную помощь, но таких счастливиц за прошедший календарный год едва ли наберётся дюжина. Последними сумевшими сбежать из Дилениума стали знаменитые братья Дука со своими жёнами и тремя детьми на две семьи. Полгода назад они добрались до Швейцарии вплавь через пролив Памяти, едва не утонув из-за многочисленных повреждений надувной лодки, которые они на ходу заклеивали малярной изоляцией. В последних новостях на эту тему, которые я слышала краем уха в каком-то заезженном кафетерии Стокгольма, обе семьи сейчас благополучно проживают в одном из городов для беженцев.

Пять лет назад, в самом начале перекраивания земного шара, когда правительства разных стран поняли, что количество беженцев не ограничится одним миллионом душ и что если не взять этот поток под контроль в самом начале, ситуация может обернуться серьёзным миграционным кризисом, странами, входящими в Союз, были развернуты серьёзные программы по урегулированию этого животрепещущего вопроса. Конечно, дров политики наломали и здесь, но кое-что из этих знаменитых программ всё же сработало. К примеру, в четырнадцати из тридцати изначально согласных странах успешно сработала “Архитектурная программа”. На одном из таких благотворительных проектов – в Норвегии их успешно реализовано всего пять, – на протяжении трех лет был задействован мой брат, как один из главных архитекторов. Суть данного проекта заключалась в том, чтобы за считанные три года отстроить новый, самодостаточный город с развитой инфраструктурой и хорошим разноуровневым жильём. Норвегия – одна из пяти стран, справившаяся с поставленной перед ней программой-максимум на десять баллов. Мой брат со своей командой архитекторов сдал свой объект первым в стране, после чего остался жить в городе, который собственноручно спроектировал, в доме, каждый угол которого вдохновенно нарисовал под себя. За этот дом, конечно, ему пришлось заплатить полную стоимость, однако это определённо точно того стоило. Жить не просто в доме, который ты спроектировал сам, но в целом городе, ещё пять лет назад собственноручно начертанном на сенсорных досках... Интересно, каково это,

ходить, щупать, видеть в живую тот мир, который ты нарисовал? Должно быть, великолепное чувство.

Первый норвежский город для беженцев построили в коммуне Гран. Сначала город хотели назвать Cornerstone*, но в итоге назвали Grunnstein**, склонившись к более национальной версии (*Досл. с англ.яз. “краеугольный камень”; **досл. с норв.яз. “фундаментный камень”). Годом позже город Cornerstone всё же появился на карте мира, только не в Норвегии, а в Бельгии. В отличие от моего брата, имеющего паспорт гражданина Норвегии, беженцам жильё в Грюннстайне досталось по смехотворной стоимости, с возможностью однопроцентного первоначального взноса и беспроцентной рассрочкой на пять лет. Естественно весь город был заселен в считанные часы: пять тысяч частных домов, тысяча многоэтажек – в город въехало двести тысяч душ. Кажется, прошло всего двадцать пять часов с момента старта продаж жилья в Грюннстайне, когда последняя каморка на окраине города ушла с молотка. Первыми, естественно, были распроданы просторные частные дома, в последнюю очередь разошлись однокомнатные квартиры по пятьдесят квадратных метров – минимальная жилая квадратура в городе. Таким образом Норвегия за считанные три года распределила девяносто семь процентов всех прибывших в страну эмигрантов, предоставив им и достойное жильё, и достойную работу, но, конечно, не во всех странах всё прошло гладко и по плану.

Миграционные и экономические кризисы подкосили мировую экономику не меньше, чем экологические и климатические встряски. Развитие технологий, на которое так уповало человечество, не только не спасло общую ситуацию, но в принципе остановилось после громких 50-ых – после того головокружительного времени весь мировой бюджет начал уходить на строительство плотин, возведение ветряных мельниц и солнечных электростанций, а вовсе не на разработку новых технологий. Так что мы до сих пор остаёмся с тем, с чем были в начале 21-го века – с надеждой на светлое будущее и на несостоявшийся киберпанк.

В общем и целом, в мире сейчас творится полнейшая неразбериха. Этаким контролируемый хаос: человечество мнёт себе, будто оно способно что-то контролировать, пока Вселенная ежечасно доказывает, что ни на что оно на самом-то деле не способно, кроме как на постепенное и абсолютное погружение в хаос.

...Через открытую на террасу дверь телевизор начинает доносить до моего слуха новостные сводки, зачитываемые знакомым женским голосом. Я оборачиваюсь и начинаю смотреть на громадный экран через панорамное окно, не желая возвращаться в дом. Пригубив латте, сосредотачиваю слух. Новости из Южной и Северной Америки. Там сейчас какая-то истерия из-за нового вируса. Вроде как учёные археологи подцепили его, когда копались в почве подтаявшей Антарктиды и наткнулись на захоронение из десятка человеческих мумий. Недавно стало известным, что их находки обитали на территории Антарктиды десятью тысячами годами до нашей эры, но глубже я в эту тему не вникала, давно уяснив для себя одну простую истину: меньше знаешь – крепче спишь. И всё же эти мумии подпортили мои планы на это лето. Двадцать восьмого июля я планировала вылететь на Аляску и провести там туристический сезон до середины октября. Поездка была спланирована за год до её реализации, на месте меня уже ожидала группа из двух десятков человек, были забронированы номера в отелях, получены визы, куплены билеты и сделаны все необходимые прививки. Но Северная Америка внезапно закрыла свои воздушные границы. Всё случилось настолько резко и неожиданно, что сначала не все поняли, что именно происходит. Так я оказалась в эпицентре очередного хаоса нашего века: я уже была в самолёте, с дорожной подушкой на шее, когда наш рейс сняли с отправки. Всех пассажиров попросили покинуть борт самолёта, после чего всем, естественно, были принесены искренние извинения и пламенные обещания вернуть полную стоимость за посадочные билеты, но с тех пор прошло уже пять дней, а крупнейшая авиакомпания США всё ещё не перечислила мои деньги на мою карту. Очередная, казалось бы незначительная проблема, рискующая затянуться на несколько недель. А ведь у меня не так уж и много сбережений, чтобы разбрасываться подобными суммами налево и направо. Нужно бы позвонить сегодня в авиационную службу поддержки и узнать, что о себе думают знаменитые авиалинии США.

Оставшись посреди Гардермуэна* с рухнувшими планами в руках в виде неаккуратно сложенного билета в два конца и наблюдая за тем, как со взлётной полосы уверенно стартуют чьи-то, но не мои самолёты, я сразу же вспомнила о живущем в полуторах часах езды от Осло брате (*Гардермуэн – крупнейший аэропорт Норвегии, главный аэропорт столицы Норвегии, расположенный в 48 км к северу от Осло, в муниципалитете Улленсакер фюльке Акерсхус). Так как податься мне больше было некуда, я поехала в Грюннстайн, хотя прекрасно знала, что там я никого не застаю. Брат с женой в третий раз за двенадцать лет брака укатили в отпуск без детей, отправив сыновей в летний лагерь. Уехали они как раз двадцать седьмого числа и вернуться планировали только девятого августа, пока дети три недели – с двадцатого по десятое число – отдыхали в

летнем лагере. В итоге пришлось звонить в Марокко брату и рассказывать ему о резком изменении своих планов, чтобы он объяснил мне как отключить сигнализацию и подсказал где именно искать запасные ключи от его дома. Впрочем, с ключами всё оказалось легко – они, как и год назад, всё ещё лежали под выцветшим садовым гномом, подаренным молодому семейству Тейт крёстными родителями младшего сына.

В итоге я провела в доме Рэймонда и Кармелиты пять беззаботных дней и ночей, основательно опустошив их подвальные запасы еды и не зная, но постоянно ища, куда податься дальше после непрерывного полугодового блуждания по свету, внезапно оборвавшемуся в самом неожиданном месте. На четвёртый день я наконец обрела новую цель: Му-и-Рана, сплав на одиночных байдарках. Предложение поступило от старых знакомых, коренных норвежцев Фолквэра и Ингрид, этим летом сочетавшихся браком на Языке Тролля* (*Каменный выступ на горе Сьеггедаль, расположенной вблизи города Одда в Норвегии, возвышающийся над озером Рингедалсватн на высоте 700 метров). Мы не виделись по меньшей мере два года, со времён двухнедельного похода в Вогезы*, в котором мы и познакомились, и за это время у каждого из нас произошло много головокружительных и даже переломных моментов в жизни, так что эту встречу предвкушали все (*Горный массив на северо-востоке Франции, составляющий западную границу Верхнерейнской низменности). Сейчас моими знакомыми планировался трехдневный сплав с ночёвками на берегах, при кострах и с палатками, компанией из одиннадцати человек. У ребят как раз имелась в запасе одна лишняя байдарка, так что двенадцатым участником похода должна была стать я – с меня было только притащить себя и свою палатку в Му-и-Рана, где я бы переночевала в новом доме своих друзей, а уже завтра на рассвете мы бы начали свой многообещающий сплав.

Вчера вечером, прибрав после своего беззастенчивого присутствия приютивший меня в самое необходимое время дом и повторно опустошив подвальные запасы еды семьи брата, я с атлетической ловкостью собрала свою новую походную сумку и дважды перебрала рюкзак, и когда уже была уверена в том, что ничего не забыла и что завтра в шесть часов тридцать минут утра я буду на “низком старте”, абсолютно готовая оставить позади себя обиженное мной телевидение и пустой подвал брата, мой мобильный телефон разразился лелеющим душу мотивом. Входящий звонок был от брата, что меня не очень-то удивило, потому как всего шестью часами ранее я предупредила его о своих дальнейших планах. Поэтому я подумала, что он звонит, чтобы уточнить, не забуду ли я включить сигнализацию и закрыть гараж с его драгоценными инструментами. Но он звонил не за этим.

В Африке тоже появилась вспышка той заразы, из-за которой оборвались мои планы с Аляской. Рэймонд звонил, чтобы сказать, что они с Кармелитой вылетают из Марокко домой ближайшим прямым рейсом и что они должны будут приехать в Грюннстайн завтра около полуночи. Дети из летнего лагеря должны будут вернуться тоже завтра, но рано утром – вроде как половина лагеря слегла от обыкновенной ветряной оспы, из-за чего его преждевременно закрывают, рассылая здоровых детей по домам. Рэймонд с Кармелитой не успеют встретить мальчиков, так что они рассчитывают на меня...

Естественно мне пришлось согласиться, при этом уверив Кармелиту в том, что всё будет в порядке – я с парнями буду ждать их дома, мы закажем пиццу, возможно вечером я что-нибудь приготовлю...

Как только в трубке послышались три коротких гудка, ознаменовавших окончание беспокойного разговора, я резко опустилась на кровать, у которой всё это время стояла. Пока я разговаривала с Рэймондом, меня накрывали волны разочарования от несбывшихся планов, но как только я осталась наедине со своими мыслями, ощутила другую эмоцию... Обеспокоенно набирая смс-сообщение Фолквэру о том, что приеду на сутки позже, сразу к берегу, как раз перед отплытием, я думала, а может быть и подозревала, что, возможно, в итоге мне придётся отложить эту затею окончательно.

Я даже не заметила, что Фолквэр не отписал мне ответное сообщение. Не будь я на взводе, может быть этот факт заставил бы меня беспокоиться ещё сильнее. Но я уже была слишком взбудоражена, чтобы обращать внимание на подобные мелочи. Придвинув свою дорожную сумку к кровати, я достала двойную пижаму, отправилась в ванную комнату, приняла тёплый душ, высушилась до покраснения, пока корни моих длинных шоколадных волос не встали дыбом от переизбытка фиксатора, после чего завалилась спать всего лишь в десять часов вечера, чтобы в 05:11 проснуться от странной звуковой волны.

Глава 2.

Я уже собиралась зайти в дом, чтобы допить свой утренний кофе перед телевизором и наконец переодеться, когда меня вдруг окликнули откуда-то

издалека:

– Теона! Доброе утро!

Я оглянулась, не сразу поняв, кто именно и откуда меня призывает, и почти сразу заметила соседа, живущего через дорогу.

– Доброе! – не так же громко, но достаточно отчётливо прикрикнула в ответ я.

– Никуда не уходи! Я сейчас к тебе приду, хорошо?! – замахал руками над головой мужчина, стоящий на коротко стриженном газоне.

– Не уйду! – в ответ отозвалась я, после чего мужчина, видимо удовлетворённый моим ответом, скрылся за парадной дверью своего красивого дома.

Барнабас и Мередит Литтл – австрийские мигранты. Ему тридцать семь – на два года старше Рэймонда, – ей тридцать четыре – ровесница Кармелиты, – и у них, помимо нескольких домашних питомцев, имеются три очень смазливенькие дочери десяти, семи и трёх лет. Барнабас, если я ничего не путаю, успешный брокер в сфере недвижимости, а Мередит, тут я точно ничего не путаю, успешная домохозяйка. Собственно конкретно её успешность в выбранной ею сфере я измеряю количеством рождённых ею детей и тем количеством котов, которых она держит безукоризненно ухоженными в своём начищенном до блеска двухэтажном доме.

Семья моего брата дружит с семейством Литтл так, как могут дружить примерные соседи: они обмениваются приглашениями на дни рождения детей, пирогами в честь новоселья или сочельников, комплиментами в честь новой машины или стрижки. Не то чтобы они были очень близки, но, насколько я понимаю, соседские гриль-тусовки друг друга они посещают регулярно.

Кармелита считает Мередит слишком сосредоточенной на детях. Из-за этой сосредоточенности Мередит зачастую бывает подвержена зависти по отношению к матерям, способным распределять своё время не только внутри семейного очага, но и, к примеру, “распыляющим” его на личную карьеру. Так Мередит Литтл немного завидует белой завистью Кармелите, являющейся арт-дизайнером и успешно занятой в сфере искусства. Однако Кармелита не является единичным случаем для белой зависти миссис Литтл, которая сама по

себе, на самом деле, является очень интересной и даже доброжелательной натурой. К примеру, летом прошлого года, когда я в последний раз гостила у Рэймонда и Кармелиты, Мередит Литтл так сильно позавидовала моему рассказу о своих впечатлениях от водопадов Игуасу*, что выпалила мне в лицо нечто вроде: “Никому не интересно десять минут к ряду слушать про падающую воду!”, – после чего покинула гриль-вечеринку, устроенную Кармелитой в честь её успешно стартовавшего проекта (*Водопады Игуасу? – комплекс из 275 водопадов на реке Игуасу, расположенный на границе Бразилии и Аргентины). Естественно Барнабас сразу же принёс свои извинения за расстроившееся настроение его внезапно сбежавшей жены, естественно все мы вслух сделали скидку на то, что все мы немного подвыпили, естественно мысленно отметили, что жизнь домохозяйки и вправду бывает несправедливо терниста, и естественно вечеринка после случившегося сразу же заглохла. Я тогда, как и планировала, уже следующим утром уехала в Германию к своему парню, таким образом неосознанно лишив миссис Литтл возможности принести мне свои искренние извинения, в которых я вообще не нуждалась, но в которых, по всей видимости, отчаянно нуждалась она. Потому что как только я приехала сюда пять дней назад, каждое утро и каждый вечер Мередит, при помощи своих дочерей, начала передавать мне кексы собственного приготовления. Причём разные: с шоколадной, карамельной, клубничной, лимонной и маковой начинками.

Вечером второго дня, получая из рук семилетней Флоренс Литтл уже четвёртую за двое суток посылку, я поняла, что с этим нужно что-то делать, потому как кексы были действительно вкусными. Я пригласила Мередит на мини-девичник, если тусовку из двух женщин с разницей в возрасте в почти целое десятилетие можно назвать девичником. Позавчера вечером мы “зависли” в гостиной моего брата и немного напились. Однако то, что я определяю как “немного”, для Мередит стало “перебором”, хотя, может быть, она просто выпила немногим больше меня. По словам Барнабаса, которого я случайно встретила накануне вечером в ближайшем супермаркете в компании его десятилетней дочки-красотки Лорелеи, Мередит вчера весь день пролежала в постели. Так что кексов вчера не было. Зато, судя по плетёной корзинке, прикрытой цветастой салфеткой, с которой в этот самый момент Барнабас пересекает улицу по направлению ко мне, сегодня кексы будут.

Пока я наблюдала за крупно сложенным Барнабасом, скорее переваливающимся с ноги на ногу, нежели переступающим, передо мной невольно возникла картинка – я сижу на диване напротив Мередит и, пригубив далеко не первый бокал вина, наблюдаю за излияниями уже изрядно захмелевшей, весьма

миловидной и совсем неглупой женщины:

– Я всегда хотела большую семью, честно, – она зачем-то добавила слово “честно”, словно не верила в то, что я способна поверить в подобное. – Наверное, это желание возникло у меня ещё в глубоком детстве потому, что я была единственным ребёнком в семье. Да и у Барнабаса был всего один сводный брат, который старше его на восемнадцать лет, так что... – она стиснула свои чрезмерно накрашенные алым цветом губы, уже начинающие постепенно стираться от многочисленных соприкосновений с тонким бокальным стеклом. – ...Барнабас обожает девочек. Он так сильно вознёсся в родительской любви после рождения Лорелеи, что я сразу же поняла, что мы обязательно родим ещё не одного ребёнка... И я счастлива, честно...

Пока Мередит рассказывала мне о том, что она счастлива и что её слова о счастье честны, я допивала вино прямо из горла початой бутылки, наблюдая за тем, как взволнованная, всё ещё молодая, хотя и не свежая красавица аккуратными глотками цедит свою порцию из изящного бокала, и думала о том, как же хорошо, что жизнь, о которой мне сейчас рассказывает эта голубоглазая блондинка, – не моя.

– Что сегодня? – поджав губы, приветливо улыбнулась почти сравнявшемуся со мной Барнабасу я.

– Сегодня с шоколадной крошкой, – взаимно заулыбался сосед. – Мередит приготовила вчера вечером.

– Так значит, ей уже лучше?

– Постепенно приходит в себя, но больше я её пить с тобой не отпущу, – шутливо отмахивается мужчина, протягивая мне корзинку.

– Раньше выпечку мне приносили девочки.

– Да, но Лорелее сегодня на балет, а Флоренс на плавание. Знаешь, плавание помогает от сколиоза первой степени... – сколиоз в семь лет? Рановато. – Хорошо, что Поли только три и что в этом возрасте ребёнку всё ещё можно спокойно отсиживаться в детской комнате, в надежде, что родители не вспомнят о том, что и тебя пора бы уже пристроить в какой-нибудь кружок или

супер-секцию, – с неприкрытым сарказмом ухмыляется многодетный отец. – Мередит сегодня, видимо, проснётся попозже, так что лучше я тебе передам её выпечку сейчас, потому что, кажется, мне самому придётся будить и собирать девочек, что, поверь мне, займёт не пять минут. Если же я в итоге забуду отдать тебе старания своей жены, поверь мне, мои страдания будут громкими.

У Барнабаса был хотя и примитивный, но действенный юмор. Такой, от которого смеяться во весь голос не будешь, но и улыбаться не перестанешь.

– Так значит, ты проснулся так рано, чтобы преждевременно подготовиться к бою с женской составляющей своей семьи? – продолжала улыбаться я.

– Если бы! Я планировал спать до победного конца и спал бы, если бы не этот треклятый “бум” с утра пораньше.

– Да, я тоже это слышала.

– Получается, мне это не приснилось! Представь себе, Мередит как спала крепким младенческим сном, так и продолжила спать – даже бровью не повела. Я уже даже смирился с мыслью о том, что мне померещилось...

Ничего себе Мередит развезло всего от трех бутылок вина на двоих. Наверное, мне с ней и вправду не стоит больше когда-либо пить.

– Нет, определённо точно была звуковая волна, я сама проснулась из-за этого странного звука, – мой взгляд метнулся в сторону соседского дома, от газона которого нашу территорию отделяла лишь узенькая садовая тропинка из прессованного гравия. Моё внимание привлёк ещё один сосед, шестидесятипятилетний пенсионер по имени Освальд. Он вышел из боковой двери своего дома и сейчас направлялся в сторону своего гаража.

– Доброе утро, – первым поздоровался с соседом Барнабас. – Вам тоже не спится? Тоже слышали этот странный звук, похожий на взрыв консервной банки?

– Это был не взрыв. Точнее, не консервной банки... – хмуро отозвался старик, сначала убавив скорость своего уверенного шага, а вскоре и вовсе остановившись. – Доброе утро, Теона.

– Доброе, – приветственно повела в сторону новопробудившегося соседа пустой чашкой из-под латте я, так и не поняв, поздоровался ли старик только со мной, красноречиво проигнорировав утреннее приветствие Барнабаса, или напротив таким образом подчеркнул, что я, в отличие от Литтла, так и не отвесила ему утренний привет. Этот старик не всегда был дружелюбным. Точнее сказать, он не был дружелюбным всегда, когда рядом с ним не было его жены Фреи – очень ухоженной и улыбчивой женщины. – Так вот, это была вовсе не консервная банка, – уверенно продолжил старик. – Это был самолёт.

– Самолёт? – Барнабас едва не присвистнул, его плечи сразу же приподнялись, а брови поползли вверх. – Какой ещё самолёт?

– Русский. Упал всего в двух километрах от Грюннстайна по трассе P1.

– Откуда у вас такая информация? – тоном, как можно более сглаживающим острые углы этого вопроса, на одном выдохе поинтересовалась я.

– Я знаю это, потому что моя жена медсестра, – старик отчеканил эти слова так, будто мне должно быть как минимум неловко оттого, что я не знаю того, кем является его обожаемая вторая половина, помимо того, что она является соседкой семьи моего брата. – Весь медперсонал города сейчас туда стягивают, к месту крушения. Говорят, что в самолёте было около сотни пассажиров и что есть выжившие.

– Так значит, вы сейчас туда собираетесь? – не вытаскивая рук из карманов спортивных штанов, начал перекатываться с носков на пятки Барнабас.

– Именно туда я сейчас и везу Фрею, – вдруг вспомнив о своём катастрофически важном деле, спохватился и буквально сорвался с места старик. – Некогда мне тут с вами двумя болтать... Хорошего вам дня.

– И Вам хорошего дня, Освальд, – сразу же отозвался Барнабас и тут же добавил. – Передавайте Фрее привет.

Кажется, в ответ на последние слова старик пробубнел себе под нос что-то вроде: “Да-да-да”. Мысль о том, что мне тоже стоило сказать спешащему прочь соседу что-то вроде того, что напоследок сказал ему Барнабас, посетила меня уже после того, как Освальд нырнул в свой гараж. Не удивлюсь, если этот

человек думает обо мне в не очень лестном свете, например, что-то из оперы: “Невоспитанная девчонка” или “Нынешняя молодёжь окончательно огрубела”.

– Ладно, Теона, мне пора, – гулко выдохнув и сделав шаг по направлению к своему дому, вновь первым подал голос Барнабас. – Надо же, крушение русского самолёта всего в двух километрах от нас! Какой ужас... Пойду расскажу Мередит, может быть это её разбудит.

– Передавай ей и своим девочкам привет, и поблагодари за чудесные кексы.

– Ты их ещё не пробовала. А ведь это забракованные кексы, которые мы не доели вчера, – ухмыльнувшись, он изобразил удавку на своей шее, которую тянет вверх. – Вызывают удушье, так что не советую их употреблять!.. – мужчина широко заулыбался. – Только не говори моей жене, что я думаю о её выпечке! – уже стоя посреди пустой дороги, разделяющей улицу напополам, докричал в мою сторону дружелюбный сосед, пропуская старенький соседский Chevrolet в сторону выезда на трассу P1.

Звучно выдохнув, я взмахнула рукой – жест, который должен был заменить слово: “Ладно”, – и, продолжая улыбаться, вернулась в дом.

Глава 3.

Приняв лёгкий душ и плотно позавтракав, я потратила около получаса, чтобы найти хотя бы незначительную новостную сводку об упавшем в двух километрах от Грюннстайна русском самолёте, но никаких следов этой жуткой новости так и не нашла, что мне показалось немного странным: если брать за точку отсчёта время 05:11, в которое я проснулась из-за страшного грохота, значит с момента происшествия прошло уже полтора часа. В таком случае, уже должны были быть хотя бы сводки о пробках и перекрытии трассы P1, но и их не было. Наверное, самолёт всё же упал в отдалении от трассы: на скошенном пшеничном поле или на кукурузном. Два километра от города – это совсем близко. Сколько от нашего дома до места крушения? Три километра в лучшем случае. Брат обосновался на самой окраине города с расчётом на чистый воздух и близость озера, как раз у трассы P1, так удобно соединяющейся с основной государственной магистралью,

ведущей напрямик в Осло.

Едва ли стоит думать о том, мог ли этот самолёт упасть на наш дом или на соседский, и о судьбах сотни пассажиров, упомянутых Освальдом Олсеном. Это ничего не изменит – всё уже случилось.

Доев третий горячий бутерброд я машинально посмотрела на часы: 06:52. Отлично. Парни должны приехать в половину восьмого, но лучше выехать пораньше. На всякий случай.

Зайдя в гараж, примыкающий к дому, я дистанционно открыла въездные ворота и остановилась у своего допотопного Volvo, но мой взгляд сразу же зацепился за стоящий рядом братский Alfa Romeo. Роскошный кроссовер ярко-бордового цвета этого года выпуска. Почему бы себя не побаловать? Тем более Рэймонд всегда разрешал мне тест-драйв своих новых автомобилей, пусть я и каталась на них от силы пару-тройку часов, объезжая с Кармелитой местные супермаркеты, когда приезжала погостить в Грюннстаин два-три раза в год на неделю-другую.

У Рэймонда почти каждый год обновляется автомобиль. Только единожды он прикипел к одной раритетной спортивной модели BMW настолько, что избавился от неё лишь спустя три года после её покупки. Я себе подобного – увы или ура – позволить не могу.

Вообще братское богатство стоит на двух китах: с одной стороны, он талантливый архитектор, безусловно зарабатывающий немалые деньги на своих известных в Норвегии проектах, но с другой стороны на его финансовый успех немало повлияло состояние его жены. Младший брат Кармелиты, насколько мне известно, очень богат. Насколько очень, что просто до неприличия. Но и у его богатства есть свои киты и корни.

Семейство Диес, в отличие от нас, Тейтов, закоренелых представителей среднего класса, уже не первое поколение является представителями норвежской элиты. У отчима Кармелиты, Болдра Диеса, был самый крупный в скандинавских странах яхтенный бизнес, мать же Кармелиты, Тира Диес, на протяжении двух десятилетий являлась главой холдинга популярной в Европе компании дизайнерской мебели. Эти две крупные касатки в море с мелкой макрелью поженились, когда Тира уже была беременна от бывшего лучшего друга Болдра. Объяснение, почему давняя дружба двух здравомыслящих

мужчин была оборвана, абсолютно банальное: друзья влюбились в одну девушку, один из них сделал ей ребёнка, но узнав о беременности возлюбленной пошёл на попятную, что позволило второму другу активизироваться на максимальном уровне. В итоге у Тиры и Болдра вышел счастливый брак. Болдр не только назвал рождённую Тирой девочку собственной дочерью и не просто дал ей свою фамилию, но и к её имени подошёл с особенным вниманием. Дед Болдра был испанцем, о чём красноречиво кричала его далеко не скандинавская фамилия, отсюда образовалось и имя и без того уже признанной родной Болдру по всем официальным параметрам дочери – Кармелита. Через четыре года после рождения Кармелиты у пары родился ещё один ребёнок – мальчик. На сей раз Болдр Диес не заморачивался над тем, чтобы напечатать у ребёнка на лбу его и без того очевидную принадлежность к его крови, поэтому назвал сына обычным именем, нечасто встречающимся на территории скандинавских стран – Беорегард.

В итоге семья Диес получилась красивая, колоритная и удачно сложенная. Богатые и счастливые – как из рекламы о психологическом здоровье современных ячеек общества. Но четыре года назад Болдр с Тирой неожиданно погибли во время шторма в проливе Скагеррак, возвращаясь из Северной Ютландии на собственной яхте. Шторм был неожиданным, возникшим буквально из ниоткуда как раз из-за тех климатических “неполадок”, которые в то время происходили с образованием Дилениума. Штормовое предупреждение было объявлено всего лишь за час до начала бури. Изначально планируя швартоваться в Фредрикстаде, Болдр с Тирой резко изменили курс на Гримстад, что было самым верным решением при их местонахождении, так как Гримстад на тот момент был ближайшим к ним портом, но до берега они так и не добрались.

Ни для кого не стало шоком, что весь свой бизнес и вообще всё своё состояние Болдр целиком завещал единственному сыну – о существовании завещания и его содержимом знала вся семья Диес. Кармелите Болдр оставил только свою прелестную дачу под Копенгагеном и парочку автомобилей – милые воспоминания из её счастливого детства. Беорегард же к тому времени уже сам был известной касаткой в океане макрели и в отцовском бизнесе совершенно не был заинтересован, и тем более не нуждался в нём, давно сколотив за границей и подняв до внушающих уважение высот собственный строительный бизнес. В итоге яхтенный бизнес отца Беорегард продал по баснословной по меркам того времени цене, благородно отчислил любимой сестре десять процентов с продажи и, сразу после похорон, неожиданно вместо Австрии, в которой до сих пор пропадал, отправился в Швейцарию. В которой до сих пор и пропадает.

Возможно это странно, но я ни разу за двенадцать лет брака Рэймонда и Кармелиты не встречалась с Беорегардом лицом к лицу. Это объясняется достаточно просто: у меня с этим человеком разные графики в разных часовых поясах. Так что знакомы мы с ним только по фотографиям, стоящим у моего брата и его сестры на каминной полке. На этих фотографиях Беорегард, как и Кармелита, высокий, хотя, конечно, он на голову выше сестры, с широкими плечами, загоревший, с густыми тёмно-каштановыми волосами и неожиданно серо-голубыми глазами – определённо точно поверх испанских корней отца проявились скандинавские гены матери. Этаким хмурый красавец, который красив уже только потому, что хмурый. Ни одной его улыбающейся фотографии, даже детской, я ни разу не видела. Может быть потому, что я не особенно-то и вникала в архивные фотоальбомы семейства Диес. Что поделаешь – во мне не живёт дух журналиста. Однако речь не обо мне, а о семье Рэймонда.

Теперь на те десять процентов, которые брат Кармелиты отчислил ей, семья моего брата живёт в завидном для постороннего глаза достатке, да и плюс к этому Рэймонд с Кармелитой сами неплохо зарабатывают на обороте художественных произведений и своих редких, но метких проектах. В общем, они не миллионеры, конечно, как Беорегард, который, подозреваю, уже давно покрупнее заезженного миллионера, но они точно являются представителями высшей классовой прослойки. В отличие от меня. На меня богатства брата Кармелиты и собственного брата не распространяются. Отчасти потому, что я сама не желаю этого распространения. Рэймонд периодически пытается насильно поддержать меня материально, но я слишком рано возомнила себя достаточно самодостаточной, чтобы брать деньги у родственников, тем более не в долг. Поэтому Рэймонд разработал универсальную тактику ведения подпольной войны с моим упрямством: он преподносит мне на Рождество, Новый год, Пасху и день моего рождения – то есть ровно четыре раза в год – исключительно денежные подарки, оставляя Кармелите наслаждаться ломанием мозга на тему: “Что же подарить той, которая не нуждается в подарках, которые весят больше пятисот грамм”. Всё дело в том, что блуждающим душам не нужно то, что они не смогут далеко унести.

Если задуматься, к своим двадцати пяти годам у меня из своего есть только подержанный Volvo, рассрочку за который я погасила лишь прошлой весной, и-то благодаря праздничным преподношениям брата, да суперская походная палатка, подаренная мне женой всё того же брата. На экстремальном туризме, как оказалось, не так уж много и заработаешь, но выяснилось это слишком поздно – когда я уже не могла соскочить с этой дури.

Вообще Норвегия как была в начале 21-го века одной из самых дорогих стран для туризма, так к концу века и не изменила себе. И всё же моё первое знакомство с Норвегией оказалось одним из самых головокружительных и дешёвых знакомств, и дело не в том, что на тот момент здесь уже жили мои богатые родственники. Дело в том, что попав в Норвегию я сразу же отправилась на взятом на пару недель у старой знакомой электрокаре не к брату, а по маршруту Атлантик-Роуд. Можете себе представить, какое у меня в итоге сложилось первое впечатление об этой стране... Большее впечатление за последние пять лет у меня было только от Дилениума. Сумев попасть на новый континент компанией из десяти человек в первые недели правления самопровозглашённого президента-диктатора, не я одна была под огромным впечатлением от пролива Памяти, от внушительного континентального разрыва, от красной воды в глиняных рвах, от совершенно девственных новообразовавшихся пещер, всё ещё не изученных ни одним спелеологом. На тот момент никто из нас ещё не подозревал, что посещение Дилениума может быть уже не просто верхом экстремального туризма, но несусветной глупостью. Благо нашу компанию участь репрессированных месяцем позже туристов из Франции каким-то чудом обошла стороной. О том же, какой участи мы избежали, наша компания поняла уже вернувшись на родину. И хорошо. Осознай мы подобную опасность в Дилениуме – не обошлось бы без паники, а паника, как известно, выстраивает опасные тропы в один конец.

На момент моего прибытия в Дилениум там уже официально утвердили новую систему административного деления. Почему-то решив взять за основу именно Швейцарскую систему, Харитон Эгертар разделил Дилениум на Кантоны, обозначив их буквами латинского происхождения. Я побывала лишь в одном Кантоне и в одном городе: в Кантоне-А и в Кар-Харе. В “А” мне понравилось больше: сплошная лесополоса, в отличие от железобетонной территории Кар-Хара.

По слухам, Кантон-А очень сильно отличается от остальных Кантонов. Из очевидного: территорией. Почему-то Эгертар выделил под этот Кантон минимум земли. Наверное, побоялся скрытого потенциала этих мест. Говорят, Румыния всегда пугала Эгертара. Возможно, в детстве историю о Дракуле он принял слишком близко к сердцу.

...Наконец окончательно и бесповоротно решившись взять братский автомобиль, я зачем-то мысленно напомнила себе о том, что у меня хороший рейтинг в этом опыте – до сих пор я не оставила ещё ни единой царапины ни на одной из

крутых тачек Рэймонда. Оставляла на арендованных и даже пару раз на машинах взятых на время у знакомых, но на братских тачках – никогда. Может быть дело в том, что бюджет его автомобилей попросту не позволяет мне таких неоправданных расходов, как царапины сверхценных полиролей.

Я не заметила, как уже спустя полминуты после зажигания в моей голове лампочки с надписью “Отличная идея!” оказалась на водительском сиденье Alfa Romeo и без проблем нашла ключи от зажигания, всего лишь откинув солнцезащитный козырёк. Сколько раз я говорила Рэймонду о небезопасности подобного хранения ключей? Не оставляй ключей в солнцезащитном козырьке – не рискуй остаться без машины! Особенно если ты уезжаешь на длительный период в отпуск. Вдруг в твой дом заявятся грабители? Или сестра.

То, как автомобиль завёлся с одного моего лёгкого мановения, вызвало внутри меня волну эффекта “Вау!”. Умеет мой братишка выбирать автомобили, сразу видно, что его творческий мозг функционирует правильно.

Аккуратно выехав из гаража, я отключила автоматически включившееся радио, чтобы немного успокоиться и сосредоточиться. Такой габаритной машиной я ещё не управляла, но, почему-то, в своих силах и способностях сейчас совершенно не сомневалась. Впрочем, я всегда отличалась самонадеянностью. За что она меня почти никогда не подводила. А “почти никогда” – это очень высокий показатель. Как минимум достаточный, чтобы в ближайшие часы своей жизни “почти самостоятельно” сориентироваться в выборе жизненно важных маршрутов.

Глава 4.

Парковка у супермаркета, на которую должен был приехать школьный автобус, несмотря на раннее время была почти полностью забита: многие автолюбители спешили на свои рабочие места в новый торговый центр, но большинство, судя по общему настроению, были родителями, заранее приехавшими на место встречи с детьми. То тут, то там можно было увидеть мелкие компании разномастных матерей с малышами разных возрастов, отцы же, в большинстве своём, сонно потягивались не покидая пределов водительских мест в семейных минивэнах.

Чудом найдя место на самом въезде на парковку, у аллеи раскидистых тополей, я со скупулёзностью перфекциониста запарковалась задним ходом между стареньким SsangYong Korando Turismo и пёстро обклеенным рекламой доставки свежих овощей на дом Renault. Не то чтобы я особенно переживала, сидя за рулём неприкрыто навороченной тачки, но всё же после того, как успешно справилась с парковкой и выключила зажигание, я неосознанно с облегчением выдохнула.

Мысленно, а может быть даже и въявь, ухмыльнувшись самой себе, я включила радио, чтобы разрядиться ещё больше, и посмотрела на время, высвечивающееся на приборной панели: 07:10. Замечательно. Дети должны приехать ровно в половину восьмого. А как известно: всегда лучше подождать, чем опоздать.

Радио выдавало популярную песню с успокаивающим мотивом, и я даже начала напевать себе под нос знакомые слова: “Мы будем вместе навсегда, да-да... Мы сильные, мы справимся, поверь, верь в это, верь... Доверься мне, открой же эту дверь, верь-верь... Давай же, улыбнись, завтра наступит наш рассвет...”.

– Теона, предупреждаю, будь осторожнее с Тристаном, он всё ещё влюблён, – голос Рэймонда в телефонной трубке звучал с отеческой теплотой – я готова была поставить свою шикарную палатку на то, что говоря мне эти слова он тихо улыбался.

– Что, всё ещё?! – в моём голосе звучала неприкрытая насмешка и удивление, хотя не знаю, была ли я действительно удивлена. Скорее всего это была наигранная интонация, которую все люди без исключения используют в неловких диалогах.

– Может быть даже ещё сильнее.

– Ха-ха! Забей, всё будет в полном порядке! Мы ведь родственники!

Мой последний разговор с Рэймондом оставил послевкусие неловкости, которой между нами ни разу в жизни не случилось до лета прошлого года. Я могла выпалить на его слова о “якобы чувствах” Тристана по отношению ко мне интонацию: “Ха-ха!”, – но никакого “ха-ха!” на самом деле я не ощущала. Именно по этой причине я не виделась с семьёй брата на протяжении целого года, что

само собой было ненормальным. Возможно, я выбрала неправильную тактику и мне наоборот стоило не отстраняться, но кто знает, что на самом деле можно назвать правильным?

Перед SsangYong Korando Turismo, стоящим справа от меня, остановились двое мужчин, оба не старше сорока лет и оба крупного телосложения. Между собой они были очень похожи, даже тенниски на них были одного пошива, только разной расцветки, так что я восприняла их за братьев. Я как раз переключала радиоволну, поэтому когда их разговор долетел до моего слуха, я невольно нажала на клавишу отключения колонок, чтобы определить, откуда именно просачивается звук, и почти сразу заметила, что моё заднее пассажирское окно слегка приоткрыто:

– Говорят, что летний лагерь закрыли из-за вспышки ветряной оспы, – говорил тот, что выглядел на пару лет старше.

– Да ну, Фрэди, мы ведь с тобой оба бывшие военные, не притворяйся, что не понимаешь.

– Всерьёз думаешь, что это из-за того, что творится в Америке?

– Не только в Америке. Ты ведь сам читал ту статью. Уже в Африке появилось.

– Говорят, что дети не подвержены этой заразе.

– Смотря какие дети. Мелкие, вроде как нет, а те что постарше, вроде твоего Макса или моей Лин, вроде как могут быть и подвержены, потому что они уже вроде как и не дети, а подростки.

– Подростки тоже дети.

– Ты понимаешь, о чём я говорю, Фрэди... В любом случае, правительство не расскажет нам о том, связано ли это с этим новоявленным вирусом или нет. Пока не прижмёт.

– Может быть это и правильно: смысл поднимать панику на пустом месте? На нашем континенте этой дряни всё ещё нет, так что...

Мужчина не успел договорить свою мысль из-за максимально неожиданного происшествия, заставившего меня вздрогнуть и неосознанно оторвать руки от руля, и выставить их ладонями перед собой: всего в каких-то пяти метрах от моего бампера столкнулись две машины. Блестящий зелёный Cabriolet не справился с управлением и, выехав на соседнюю полосу, въехал в ехавший ему навстречу, подержанный тёмно-синий автомобиль выпуска не позже 70-ых лет, но вместо того, чтобы закончить движение, Cabriolet, за рулём которого сидела крашеная блондинка примерно моего возраста, резко сдал назад и в следующую секунду рванул вперёд. Не прошло и десяти секунд с момента аварии, а её виновницы уже не было на месте – она на полной скорости, с визгом резко притармозивших на повороте шин, пронеслась через всю парковку в сторону жилого квартала и скрылась за зданием центрального банка.

Первым моим порывом было выйти из машины, чтобы помочь пострадавшему водителю, но к помятой машине сразу же подтянулись четверо мужчин, включая тех, чей разговор я невольно подслушала. Один из них поднял бампер, оставленный на месте происшествия виновником, кто-то начал куда-то звонить, кто-то помогать покинуть водительское место ошарашенной женщине. На вид пострадавшей автомобилистке было лет шестьдесят, она вся была в сером и сама по себе она была серая в буквальном смысле этого слова: серые брюки и кардиган, серые волосы и посеревшее от испуга и непонимания происходящего лицо.

На парковке началось активное движение. Сначала я решила, что это из-за аварии, но почти сразу заметила, куда именно обращено большинство взглядов резко оживившихся людей: на парковку въезжал школьный автобус ярко-жёлтого цвета. Я машинально посмотрела на часы: 07:20 – на целых десять минут раньше заявленного времени. Хорошо, что я додумалась приехать пораньше.

Вытащив ключи из замка зажигания, я поспешно вышла из машины и направилась в сторону места, на котором уже парковался школьный автобус. Проходя мимо пострадавшего автомобиля, я оценила его разбитую правую фару и сильно помятое крыло, и ещё раз выдохнула от мысли о том, как же близко это было. Очевидно, что та сумасшедшая блондинка просто не справилась с управлением, но поверни она руль не влево, а вправо, и сейчас бы без фары осталась я, а не эта серая дама, панически перебирающая список контактов в своём телефоне.

До сих пор бывшая сонной, парковка вдруг в буквальном смысле пробудилась. Люди обступили прибывший автобус со всех сторон, как будто в нём сидели не их дети, а какие-нибудь суперзвёзды минувшего века, на которых уже давно никто не надеялся посмотреть вживую.

Не желая участвовать в давке, я не стала заходить в толпу. Вместо этого, пройдя вперёд на приличное расстояние от аварийного места, я встала на бордюр и, положив руки в передние карманы джинс, начала высматривать своих племянников.

Стоя в прохладной тени тополей, я внимательно наблюдала за залитой утренним солнцем парковкой. Первые дети начали выходить из автобуса, но среди них я не видела своих парней. Впрочем, моё ожидание продлилось совсем недолго. Первым из автобуса выпрыгнул Спиро. Отметив, что за прошедший год парнишка заметно вытянулся, я неосознанно ухмыльнулась и замахала ему рукой, но к этому моменту он уже успел заметить меня. Сначала он терпеливо протискивался через толпу взрослых, но вскоре рванул вперёд и побежал в мою сторону со всех ног. Пока он приближался ко мне, я невольно оценивала его внешний вид: выглядит ровно на свои двенадцать лет, худоват, но не критично, почему-то совсем не загорелый – лето ведь! он ведь был в юношеском летнем лагере! где загар?! – и ещё ему не мешало бы немного подстричься, хотя оброс он не очень-то и критично.

– Любимая тётя! – выпалил пацан за секунду перед тем, как со всего разгона врезаться мне в живот, чем сбил меня с бордюра и едва не выбил из меня дух.

Он до боли крепко обнял меня.

Сначала обняв его взаимно, затем потрепав его за его отросшие волосы и наконец оттянув его от себя, взявшись за светло-коричневый рюкзак, висящий у него за спиной и бывший ему великоватым как минимум на два размера, я заглянула в светлые и лучащиеся детской радостью глаза родственной души:

– Естественно любимая! Других-то тёток у тебя нет! – хохотнула я, на что мальчишка растянулся в ещё более широкой улыбке. – Ну ничего себе ты вымахал! – с наигранной интонацией удивления выдала я, нарочно доводя своего малолетнего племянника до экстаза. Присвистнув для пущей убедительности, я взяла мальчишку за плечи и с преувеличенным интересом

оглядела со всех сторон. – А где твой багаж, тинейджер?

– Сумки взял Тристан, – Спиро махнул в сторону автобуса.

Оторвав наконец взгляд от светлого, ещё детского, но обещающего уже скоро стать взрослым лица мальчишки, я посмотрела в указанную его рукой сторону и сразу же заметила Тристана. Он уже почти впритык подошёл к нам, но я всё равно не сразу поняла, что это именно он. В отличие от Спиро, этот парень за прошедший год изменился до неузнаваемости. Он вырос минимум на голову – сколько в нём теперь? если я метр семьдесят пять, значит в нём теперь будет весь метр семьдесят семь, может быть даже восемь! а ведь ещё год назад я смотрела на него сверху вниз – тогда в нём едва набралось бы сто семьдесят сантиметров! – но помимо роста в нём изменились и более ярко выраженные черты: не по возрасту широкие плечи и в принципе пропорционально, и неожиданно прокаченное тело, бицепсы хотя и не пугающие, но внушительные, кожа, в отличие от бледного Спиро, блестящая от загара, причёска поменялась кардинально и определённо в лучшую сторону, взгляд стал больше походить на мужской, хотя в последний раз он был ещё совсем мальчишеским. В отличие от Спиро, унаследовавшем основные внешние черты семейства Тейт, Тристан был похож на свою мать: высокий, бронзовая кожа, тёмные волосы, но, как и у его дяди Беорегарда, неожиданно серо-голубые, хотя и с тёмным оттенком глаза. Кармелита говорила, что после нашей прошлогодней “стычки” Тристан немного депрессовал, из-за чего в итоге с головой ушёл в баскетбол и в течение всего одного квартала стал лучшим атакующим защитником старшей школы Грюннстайна. Раньше я недоверительно относилась к этой информации – раньше и Тристан выглядел немного (совсем!) по-другому – думая, что в Грюннстайне, скорее всего, просто слабый баскетбол, но сейчас, видя эти мышцы и рост – ещё чуть-чуть и мне самой придётся смотреть на него снизу вверх! – я очень даже верила в то, что передо мной стоит настоящий баскетболист. А вот в то, что парню всего лишь семнадцать лет, теперь верилось с огромным трудом.

Пока я окидывала оценивающим взглядом подошедшего к нам парня, держащего в обеих руках по одной дорожной сумке, и отходила от улыбки, вызванной у меня Спиро, Тристан вдруг едва уловимо улыбнулся – видимо ему понравился мой оценивающий взгляд – и, перекинув сумку из правой руки в левую, протянул мне свою массивную руку для рукопожатия.

– Ой, да брось уже! – быстро оживила свою уже едва не потухшую улыбку я. – Мы же родственники! – сделав шаг вперёд, я обняла Тристана и похлопала его по

плечам.

Я не заметила, что неосознанно сделала это объятие коротким, как бы вскользь, но заметила, что едва не встала на цыпочки, подойдя к парню впритык, и что хотя всего лишь на долю секунды, но он очень даже крепко приобнял меня за талию.

Отстранившись от Тристана, я подтянула к себе Спиро и, стоя между двух парней, положив по руке каждому на плечо, ещё раз коротко их осмотрела. Да, они вымахали. Но всё равно ещё малышня. Пусть даже старший и выглядит как титан, всё равно он всё ещё обыкновенный семнадцатилетний подросток.

– А ты красотка! – неожиданно выдал Спиро, нарушив ещё даже не успевшее затянуться молчание. – Тебе всегда шли рубашки с коротким рукавом в красную клетку и джинсы в обlipку. Ты никогда не пробовала менять стиль?

– Это ещё что такое? – мои брови взметнулись вверх. – Попытка желторотого птенца практиковаться в сарказме?

– Я вот почему-то даже не сомневался в том, что ты оценишь, – усмехнулся мальчишка. – Как и мы оценили твои вечные локоны. Может уже пора хоть раз в жизни подстричься под мальчика и перекраситься в рыженькую валькирию?

Пихнув наглеца в плечо так, что он, усмехаясь, отшатнулся с того же бордюра, на котором несколько минут назад стояла я сама, я потянулась за одной из сумок, которые держал Тристан.

– Я сам, – он хотел отдёргнуть сумку, но я всё ещё была в этой компании старшей.

– Не сомневаюсь в том, что ты справишься, однако давай-ка одну сумку сюда, – парировала я, уверенно выдернув замшевую сумку из цепких рук баскетболиста.

– Ты приехала на отцовской машине? – уже направляясь к автомобилю с знакомыми номерами, продолжал улыбаться Спиро.

– Не встречать же мне своих бесценных племянников на своей колымаге.

– Вот, учись правильному сарказму, мелкий, – пихнул младшего брата Тристан, в отличие от меня не стараясь быть с ним хотя бы немного аккуратным. В этот момент мы уже сравнивались с разбитой машиной серой дамы, и Спиро загляделся на валяющийся прямо на асфальте помятый бампер от зелёного кабриолета. Впрочем, серая дама отошла от машины в сторону и сейчас разговаривала с кем-то по телефону, а её помощников, четверых прохожих мужчин, уже и след простыл.

– Кто что предложит съесть вредного сегодня на завтрак, обед и ужин, пока ваши родители не вернулись из отпуска? – доставая ключи из заднего кармана джинс, мимолётно поинтересовалась я. – Как насчёт мороженого и пиццы? Можем заказать с ананасами и...

Взрыв был такой мощности и с таким звуковым эффектом, что я почувствовала, как моё тело подтолкнул на шаг вперёд горячий поток воздуха. Я сразу поняла, что это был именно взрыв. Ещё до того, как в следующую секунду обернулась и увидела открытое облако огня, вырывающееся из холла торгового центра.

Все машины на стоянке мгновенно захлебнулись от одновременно среагировавших сигнализаций. С разных уголков парковки начали раздаваться женские и мужские крики разных сил, и тональностей. Именно эти крики, ворвавшиеся в общую какофонию сигнализаций уже спустя всего пару секунд после случившегося, мгновенно привели меня в чувство.

– В машину, быстро! – выпалила я и, заметив, что парни впали в ступор, начала толкать Спиро в плечо, буквально заставляя его двигаться по направлению к автомобилю, до которого нам оставалось всего каких-то пять шагов.

На ходу выключив душераздирающую сигнализацию нашего авто, я не стала заморачиваться с помещением сумок в багажник и, как и Тристан, забросила сумку на заднее сиденье, едва не задев уже успевшего запрыгнуть туда Спиро.

Пока Спиро убирал дорожные сумки себе под ноги, а Тристан пристегивался на переднем пассажирском сиденье, я, с чрезмерной силой захлопнув заднюю пассажирскую дверцу, уже взялась за ручку водительской дверцы, когда меня накрыл очередной ступор из-за увиденного: по дороге, прямо перед нашей машиной, слева направо начала бежать вопящая толпа людей. Таких криков от людей я ещё не слышала, возможно именно поэтому замерла. Я ощутила ужас

толпы, ощутила их лишаящий здравого смысла страх, от которого по моему телу пробежал отчётливый холод и микроскопические волоски на теле встали дыбом.

“В машину, быстро!”, – мысленно повторила для себя самой отданный мной всего несколько секунд назад приказ племянникам, и, найдя в себе силы оторваться от ужасающего зрелища, с колотящемся сердцем нырнула в машину.

– Заблокируйте двери! Немедленно заблокируйте все свои двери!

– Кнопка, Теона, кнопка! – Тристан указывал куда-то мимо меня. – Нажми её...

Нажав кнопку, расположенную на дверном подлокотнике, я услышала отчётливый щелчок – двери в машине заблокировались.

– Откуда столько людей?! Почему они бегут?! И почему так кричат?! – мгновенно активизировался на заднем сиденье Спиро, голос которого звучал где-то рядом с моим правым ухом.

– Так выглядит паника... Произошёл взрыв, скорее всего кто-то пострадал, поэтому...

Я не договорила, так и замерев с открытым ртом и рукой на так и не натянутом ремне безопасности. Толпа уже почти вся пробежала мимо, как вдруг, в самом её хвосте я увидела несколько странных людей. Они двигались по-другому, словно у них окончательно сдали нервы: их головы были очень сильно и оттого пугающе неестественно запрокинуты, руки болтались вдоль тела словно ненужные и мешающие своей тяжестью хлысты, с волосами явно что-то было не так и цвет кожи...

Я так и не успела проанализировать то, что видела. Потому что в следующую секунду увидела, как один из этих странных людей, мужчина с всклокоченными и стоящими дыбом волосами, покрытыми лёгкой сединой, схватил отставшего от бегущей в противоположную от него сторону толпы пожилого мужчину. Он повалил его на землю и... Он что?.. Что... Он его...

Он вгрызся в него?!..

Я не верила своим глазам! Человек грыз человека всего в семи метрах прямо передо мной! Или, скорее всего, я неправильно видела, и он просто...

К ним подбежало ещё трое мужчин. Сначала я подумала, что это помощь, что сумасшедшего сейчас оттянут от несчастного пожилого мужчины, уже начавшего содрогаться в конвульсиях, как вдруг подбежавшие мужчины по очереди упали – не опустились, а именно упали! – на колени рядом с ними и.. Ооох...

Что они делают???...

Где-то совсем рядом, прорезая вопль сигнализаций, раздался женский крик, сразу же перетянувший на себя всё наше внимание. Ещё один человек с непослушными руками-хлыстами и запрокинутой набок головой схватил уже известную мне серую даму. Я не увидела, что именно произошло дальше: он повалил женщину на асфальт за её разбитой машиной и сам исчез вместе с ней. Женский вопль раздался повторно, но что именно там происходило, откуда было не рассмотреть... Зато напавших на пожилого мужчину безумцев всё ещё было хорошо видно. Они всё ещё стояли на коленях перед уже прекратившим содрогаться мужским телом и... Грызли его...

Один из безумцев внезапно оторвался от своего страшного занятия. Хотя он всё ещё не замечал нас, я прекрасно видела его: бледное, словно вылитое из воска лицо, покрытое бордовыми сгустками явно не своей крови.

– Пристегнитесь... – я хотела говорить громко и отчётливо, но вместо этого из моего горла вырвался глухой хрип.

– Что? – раздался где-то у моего уха ошарашенный шёпот Спиро. Это встряхнуло меня, вывело из третьего за последние пять минут ступора. На меня вдруг накатила страшная волна, заставившая меня закричать так, как люди обычно кричат, когда очень сильно злятся или сходят с ума:

– Пристегнитесь!!!

Резкими рывками натягивая на себя ремень, я метнула взгляд на сидящего рядом Тристана.

– Я пристегнут! – на всякий случай оттянул свой ремень он, будто желая избежать от меня побоев.

– Я уже! – откуда-то сзади раздался испуганный мальчишеский голос.

Слишком сильно вдавив педаль газа в пол, я вылетела из своего кармана и повернула налево с чрезмерным скрипом в шинах. Да что там со “скрипом” – это было настоящее визжание!.. Такое сильное, что на секунду оно подавило и какофонию не желающих успокаиваться сигнализаций, и отдалённые человеческие вопли.

На центральной дороге никого не было: только три машины, не считая нашей, со скоростью света нырнувшие в узенькие улочки жилых кварталов, хотя всего несколько минут назад именно с этой стороны на парковку вбежала толпа впавших в безумие людей.

– Что это было?! – вновь подал голос сидящий сзади Спиро. – Теона, что это было?! Что было?!

– Не знаю! – сквозь зубы выдавила я, сжав руль ещё сильнее, чтобы подавить в себе неожиданный прилив злости.

Почему я злилась? Почему я злилась? Почему?..

Потому что я догадывалась, что это было! Потому что если это именно то, о чём все мы можем только догадываться благодаря прогнозам активизировавшихся современных оракулов и приславитым фильмам ужасов – нам всем конец. Сегодня, завтра или послезавтра, но, по-видимому...

“Мы только что лицезрели начало настоящего конца человечества. Вот что это, мать вашу, было!”

Глава 5.

Я въехала на нашу улицу ровно в 07:31. Пока я на кошунственной скорости проезжала по улицам ещё не успевшего окончательно проснуться города, я не заметила ничего неладного. Но именно в эти семь часов и тридцать одну минуту я заподозрила, что, кажется, я снова начинаю видеть что-то “не то”. Это что-то “не то” происходило на газоне перед домом Литтлов. Наверное, сначала сбавить скорость, а затем и вовсе затормозить не доезжая до их дома, стоящего как раз напротив нашего, меня заставила интуиция – иначе мою внутреннюю истерику было бы сложно объяснить.

Мерedit стояла на границе своего участка, у живой изгороди, отделяющей их газон от раскинувшейся дальше ничейной поляны, на которой владельцы собак любили устраивать игры в фрисби. Она стояла спиной к нам, наверное поэтому первым, что бросилось мне в глаза, было то, что на ней было надето совершенно дурацкое, застиранное розовое платье, больше напоминающее бабушкин халат. Показаться в подобном виде на улице Мерedit Литтл, известная своим недурным вкусом, не позволила бы себе даже под дулом заряженного пистолета. Следующим, что меня напрягло, как я позже поняла, повторно анализируя эту ситуацию, были её ноги. Она стояла на газоне совершенно босая, а я, после одной из прошлогодних гриль-вечеринок, знала, что у неё инсектофобия той формы запущенности, в которой она не то что босая на газон не вышла бы, но даже босой по дому не рискнула бы ходить.

“С ней что-то не так”, – пронеслось у меня в голове и, кажется, я даже произнесла эти слова вслух одними лишь губами, чтобы меня не расслышали парни, но, кажется, они сами это поняли, потому что они, как и я, сейчас неотрывно наблюдали за Мерedit Литтл, стоящей всего в ста метрах перед нами.

– Она забыла снять бигуди... – слышался напряжённый шёпот позади меня. – Никогда не видел миссис Литтл в бигудях...

Спиро не успел договорить своё замечание, когда я окончательно и пугающе отчётливо поняла, что всё катастрофически плохо и дальше будет только хуже, и, возможно, в ближайшие несколько минут с нами произойдёт нечто неприятное.

Я увидела детские ноги. Могло создаться впечатление, будто ребёнок бежал, споткнулся на пороге и теперь лежит на нём – наполовину в доме, наполовину на улице. Вот только торчащие на улице ноги не шевелились.

Почему ребёнок не шевелился?..

Наверное, девочке стало плохо и Мередит вышла на улицу, чтобы позвать кого-нибудь на помощь...

Я уже понимала и почему эта женщина стоит посреди газона в таком виде, и почему упавший ребёнок не шевелится, когда Мередит Литтл повернулась к нам, не скрывая своего окровавленного лица. В руках она держала бездыханное тело своей средней дочери Флоренс. Сильно запрокинутая голова девочки была едва не оторвана.

– Не смотрите!!! – не помня себя закричала я и сразу же ощутила тошнотворный позыв где-то в районе желудка. – Отвернитесь!!! Тристан! Спиро, закрой глаза! Не смотрите на это!..

Сначала я думала, что она обернулась и смотрит на нас, но вдруг поняла, что она смотрит наискось – хотя и в нашу сторону, но всё же не на нас. Метнув взгляд предположительно в направлении её безумного взгляда, я увидела то, что её заинтересовало больше, чем наш огромный автомобиль. В руках она всё ещё держала бездыханное тело Флоренс, значит торчащие из дома ноги принадлежали её старшей дочери Лорелее, и значит, что та девочка, которая сейчас сидела за домом, и в сторону которой эта обезумевшая женщина так жадно смотрела несмотря на то, что со своего местоположения она не могла её видеть, была её младшей дочерью.

Ещё живая. Это именно та мысль, которая, как я с опозданием поняла, промелькнула в моём подсознании яркой вспышкой осознания, способного вогнуть в истерику: “Ещё живая!”.

Мередит отбросила тело своей средней дочери в сторону так, словно оно было всего лишь ничего не значащей тряпичной куклой. Уже делая это она сорвалась с места. Именно сорвалась: резко стартовала в сторону угла дома, за которым пряталась белокурая девочка.

Почему-то мне понадобилась секунда. Секунда, но она мне понадобилась. Для того, чтобы вжать педаль газа в пол до упора.

Мы столкнулись посреди газона.

Сначала я почувствовала это столкновение отчётливой вибрацией в кончиках пальцев, а потом в вибрации воздуха в салоне. Тяжёлое тело Мередит Литтл прокатилось и прозвучало на крыше нашего автомобиля так, словно весило не семьдесят-восемьдесят килограммов, а не меньше двух-трех центнеров. Шок. До сих пор я ещё ни разу не оставляла ни единой царапины на автомобиле брата...

Шок.

Шоковые состояния в моей жизни, как ни странно с учётом её ритма, до сих пор случались всего дважды: когда в горах наша группа столкнулась с агрессивно настроенным гризли и ещё один раз случился спустя полтора года после этого случая – во время спуска уже с других гор мы потеряли одного туриста.

В эту секунду я переживала третье шоковое состояние за двадцать пять лет своей яркой жизни, которая, кажется, больше не будет прежней. Возможно, она ещё будет и яркой, и очень интересной, но прежней точно не будет.

О том, сбила ли я Мередит Литтл или уже не её, а то безумное существо, в которое она превратилась, мне предстоит думать оставшимися мне долгими ночами, но не сейчас. Именно так я думала, тянясь к своей дверной ручке дрожащими руками.

– Не выходите...

– Теона... – Тристан смотрел на меня огромными глазами.

В зеркале заднего вида я увидела вытянувшееся от испуга лицо Спиро – он прикрывал рот обеими руками.

– Не выходите! – ещё раз, но уже категорическим тоном произнесла я, после чего с преувеличенной уверенностью дёрнула свою ручку.

Я думала, что меня немедленно стошнит. Но оказавшись на зелёном газоне, почувствовав твёрдую землю под ногами, я поняла, что нет, меня не стошнит.

Может быть позже, но сейчас не должно...

Я двинулась к открытой двери соседского дома, из которой торчало детское тело, даже не посмотрев в сторону, в которой сейчас должно было лежать тело Мередит. В ушах почему-то вдруг начало звенеть. Чем ближе я подходила к порогу, через который перегибалось хрупкое тельце в светло-дымчатом платице, тем больше упрочивался этот надоедливый звон в моих ушах. Я хотела проверить, жива ли девочка, но мне не понадобилось подходить вплотную, чтобы понять, что для неё всё кончено. Красивые светлые кудри, перевязанные розовой ленточкой, были перепачканы тёмно-бордовой жидкостью, всё ещё вытекающей из белоснежной, тонкой детской шеи. Лужа была такой огромной, что я неосознанно удивилась тому, что столько крови могло вмещать в себя столь хрупкое детское тело. Но я знала, что подобные замечания – обман мозга. Когда ты в шоке, твоё сознание способно очень сильно стебаться над тобой и вместо того, чтобы дать тебе зарыдать или облежаться, или набрать номер скорой помощи, или помочь вспомнить как дышать, подкидывает тебе мысль вроде: “Представляешь, вот сколько много литров крови в теле всего лишь ребёнка!” или “Ты поцарапала роскошную машину брата!”, – и заставляет тебя думать только об этих дурацких, ничего не значащих и ни на что не влияющих фактах. И ты думаешь-думаешь-думаешь... Не прекращая. Пока невероятными усилиями не заставляешь себя отвести взгляд в сторону.

...Почувствовав вдруг проступившую на моём лбу холодную испарину, я отошла от входа в дом, преграждённого ещё не остывшим детским трупом. Машинально дотронувшись живота, второй рукой я оперлась о шершавую стену дома. Всё равно не стошнит. У меня очень крепкий желудок. Зачем я вообще шла?.. Ребёнок. Ребёнок лежит на пороге. Его уже не спасти. Нет, не этот ребёнок. Другой. Не тот, что лежит здесь, и не тот, что валяется на газоне с головой, которая... Не эти дети, нет... Был ещё один...

Пока я пыталась собраться с мыслями и с духом, боковое зрение повергло меня в леденящий сознание ужас. То шевеление, которое я увидела не смотря на его источник в упор, могло бы заставить любого человека поседеть за считанные секунды, но позже я не нашла ни единого седого волоса на своей голове, что ещё не единожды покажется мне чудом...

Но этого не могло быть!!! Я сбила её!..

Я даже не успела додумать мысль о том, что Мередит Литтл, превратившаяся в нечто поломанное и кровавое, внезапно с отчётливым и неестественным хрустом зашевелившееся, и издающее ужасающие, булькающие гортанные звуки, действительно всё ещё может быть живой, а мои ноги уже мчались за угол дома.

Крохотная девочка – трёхлетняя Клэр, которую я видела всего пару-тройку раз в жизни и которая всякий раз при нашей встрече одаривала меня лучезарной улыбкой, – сидела возле декоративного куста бересклета и совершенно не обращала никакого внимания на внешний мир. Лишь позже я поняла, что на самом деле она не пряталась от своей обезумевшей матери и вообще не пряталась от кого бы то ни было. Она была всецело занята котёнком. Маленьким, рыженьким котёнком с белой грудкой и беленькими лапками, из-за красивой расцветки табби получившим печать на лбу в виде идеально симметричной буквы “М”. Поспешно схватив сидящую на корточках девочку, я даже не заметила, что она держит в руках это рыжее существо.

– Ой... Ты кто?.. – ошарашенно посмотрела на меня васильковыми глазками-пуговками девочка, курносый носик которой был выкрашен во что-то жёлтое – наверное, она успела нанюхаться растущего рядом золотарника.

– Мама... – хотела сразу же прояснить я, чтобы успокоить ребёнка, но мой голос оборвался на полуслове, и я сама вдруг неожиданно для самой себя замерла на месте, едва не споткнувшись от чрезмерно резкой остановки.

Мередит Литтл стояла на четвереньках, упираясь задом в бампер нашей машины. Из её широко открытого рта беспощадными потоками хлестали бордовая жидкость и рваные, гортанные звуки, не похожие ни на один из тех, которые способен воспроизвести здоровый человек. Она трясла головой, явно повредившись зрением – возможно ей мешали налипшие на лицо окровавленные волосы, из-за не снятых бигуди теперь походящие на клоки спутавшейся шерсти. Уставившись в землю отупевшим взглядом, она старалась подняться, но у неё ничего не выходило. Ей определённо точно было очень больно, я видела торчащую из её правого предплечья, на которое она настойчиво делала упор, сломанную белоснежную кость. Она начинала срываться на истерический, нечеловеческий крик...

– Не бойся, я ваша соседка! – ахнула я, резко переведя взгляд на девочку, вдруг зашевелившуюся в моих руках. В этот момент я заметила кота в её крепко сжатых объятьях и именно в этот момент я успела закрыть ей глаза. Она не

успела этого увидеть. Позже я убедилась в этом, несколько раз в разное время спросив у неё, когда она в последний раз видела свою маму. Свою маму она в последний раз видела на кухне, снимающей с головы бигуди – так она мне будет отвечать всякий раз. – Не смотри никуда! Слышишь?! – крепко закрывая ладонью глаза ребёнка, я со всех ног рванула в сторону машины. – Твоя мама ушла и попросила меня присмотреть за тобой до тех пор, пока она не вернётся! Побудешь со мной немножко, хорошо?!

Пока я бежала, задняя дверца машины внезапно распахнулась. Я едва не закричала от ужаса – зачем Спиро сделал это?! Но я поняла его безрассудный порыв достаточно быстро. Буквально забросив девочку к нему на руки, совершенно не заботясь о её целостности, я с грохотом захлопнула пассажирскую дверь, дрожа от ужаса перед нарастающими воплями Мередит, содрогающейся в опасной от меня близости. Открывая водительскую дверцу, я видела, что она уже встала с четверенок на колени. Сев за руль, я видела в зеркале заднего вида, как она, опираясь о бампер своими переломанными конечностями, доставляющими ей ту дикую боль, заставляющую её так громко кричать, поднимается с колен. Ни один человек на свете не заслуживает таких мук. Тем более не Мередит Литтл, заботливая мать и любящая жена, посвятившая свою недлинную жизнь семье...

Нажав на педаль газа и сдав задним ходом, в следующую секунду я и дети подпрыгнули на своих местах... Я расслышала едва уловимый хруст и в буквальном смысле прочувствовала тело, оказавшееся под колёсами нашей машины... Сначала под задними, потом под передними... Потом снова под передними и снова под задними. Чтобы наверняка.

Всё произошло за считанные секунды. Возможно, секунд было пять, возможно, семь, но точно не больше десяти. И хотя я зажмурила глаза на эти несколько секунд, когда я свернула с газона на асфальтированную дорогу и открыла глаза, я вдруг пугающе отчётливо осознала, что эти секунды навсегда запечатлятся в моей персональной вечности.

Заехав в гараж на опасной скорости, я затормозила в опасном сантиметре от бетонной стены. В шоковом состоянии пребывала не только я, но и дети. Кажется, мы в неосознанном молчании просидели в машине около минуты, я даже не могла оторвать рук от руля...

Первым заговорил Тристан. Он обернулся и посмотрел на заднее сиденье.

– Ты как, нормально? – его голос прозвучал хотя и приглушённо, но так отчётливо, так живо, что я вдруг начала быстро моргать, таким образом пытаюсь вернуть себя к пониманию реальности происходящего.

– Я закрыл глаза, – слишком тихо произнёс Спиро. В его голосе слышался надлом.

“Главное, чтобы не заплакал! Главное, чтобы не заплакал! Только детских слёз мне сейчас не нужно!”, – мысленно кричала на саму себя я, совершенно не осознавая, что на самом деле сержусь именно на себя и своё нестабильное психологическое состояние, опасаясь не чьих-то слёз со стороны, а своих собственных.

– Клэр тоже ничего не видела, – продолжал Спиро.

– Что не видела? – слышался тоненький детский голосок откуда-то сзади. В отличие от голоса Спиро, он казался очень даже бодреньким, хотя и в нём читалось неприкрытое беспокойство, может быть даже испуг.

– Эй, привет, малышка, – фальшиво заулыбался Тристан, протянув руку к девочке. – Помнишь нас? Поиграешь с нами?

– Тристан и Спиро, – мне показалось или девочка тоже улыбнулась неискренне? – Вы хотите со мной поиграть?

– Да, хотим, – продолжал свою театральную постановку Тристан.

– Пока меня мама не забелёт?

– Да, пока тебя не заберёт мама, – как-то слишком резко выпалила я, наверное оттого, что вопрос девочки вернул меня к реальности слишком резко и слишком болезненно.

– А Лолелея и Флоленс тоже будут с нами иглать?

Такой актёрской игры я ещё ни разу в своей жизни не проявляла. Смело обернувшись к девочке, я аккуратным движением руки поправила её нежно-розовое платьице, чтобы вызвать у ребёнка доверие:

– У Лорелеи сегодня балет, а у Флоренс плавание. Разве ты не помнишь? Твой папа повёз их туда, поэтому с тобой пока что поиграем мы. Хорошо? Ты ведь знаешь Тристана и Спиро? Я их тётя. Будешь со мной дружить?

– Угу, – девочка неожиданно оживилась и даже почти улыбнулась. – Я видела тебя в супелмалкете. Мы с мамой покупали мороженое, а ты покупала молоко. Помнишь?

– Помню, – с каждой секундой улыбка давалась мне всё сложнее и сложнее. – Ну вот видишь, мы уже с тобой давно знакомы. Помнишь, ты мне улыбалась возле кассы?

– Помню, – девочка засмущалась. – Это потому что ты класивая... У тебя класивые шоколадные глаза и пышные длинные волосы, как у меня, только у меня они как пломбил, а у тебя как шоколадное мороженое.

Ну всё, достаточно. Вот и познакомились, вот и в доверительные отношения вошли. Хватит слушать лесть от трехлетней красавицы, чью не менее красивую до сегодняшнего злосчастного утра мать я дважды намеренно переехала, словно лежащего полицейского.

Резко развернувшись, я снова взялась за руль, но не затем, чтобы управлять им, а скорее потому, что подсознание требовало от меня ощущения контроля, пусть даже ложного. Я у руля, я всё ещё способна контролировать ситуацию, я здесь главная, я принимаю решения...

Нажав на брелок дистанционного управления, я, наблюдая через зеркало заднего вида за опускающимися воротами, начала говорить:

– Значит так, сейчас мы войдём в дом и возьмём всё самое необходимое. Учтите, у вас не больше десяти минут. Возьмите только то, что действительно нужно: зубные щётки, сменное бельё...

– У нас всё это с собой, в дорожных сумках, – подал голос Спиро.

– Отлично, значит возьмите ещё. Берите одежду, даже тёплую. Пледы, фонарики, батарейки, газовые зажигалки... Еду – как можно больше еды и не чипсы, а что-то более... Ну вы понимаете. Тристан, – я встретила взглядом со старшим, – с тебя будет самое ответственное: все необходимые документы, паспорта и... Аптечка, возьми домашнюю аптечку.

– Родительские документы тоже брать?

– Да!.. Подожди, – я неосознанно схватила его за предплечье, – не бери. Вдруг они им понадобятся... Возьми только, не знаю... Что-нибудь... Выбери. Оставь то, что может им понадобиться...

– Мы что, уедем без родителей? – а вот теперь в голосе Спиро послышался отчётливый намёк на первые слёзы. Я обернулась и увидела подкатившую и уже плескающуюся в глазах мальчишки воду.

– Спиро, соберись! С этого момента ты будешь ответственным за Клэр. Она смотрит на тебя, – через сжатые зубы добавила я, тем самым придавая своим словам бо?льшую весомость.

Покосившись на рядом сидящую девочку, Спиро понял, о чём я ему непрозрачно намекаю: его слёзы мгновенно отобьются эхом от этой девочки. Ему нельзя плакать. Никому из нас нельзя плакать.

– Но, я имел ввиду... – голос мальчика всё ещё дрожал, но теперь был более собранным. Он теперь точно не заплачет. По крайней мере пока в поле его зрения будет эта девочка. – Мы можем запереться в доме. Переждать и... Дождаться родителей. Ведь они должны приехать сегодня вечером.

– Я им позвоню и предупрежу их... Мы придумаем, как с ними встретиться.

– Но где? – совершенно уверенным, неожиданно взрослым тоном поинтересовался сидящий рядом со мной Тристан. Мы встретились взглядами. – Я согласен с тем, что из города нужно выбираться, но, Теона, куда мы поедем?

Пока ещё я не знала ответа на этот вопрос. Но знала, что он обязательно должен скоро появиться.

– Будем решать вопросы по мере их поступления, – после секундной паузы, наконец произнесла я. – Для начала соберём вещи, потом будем решать, куда поедем. Начинаем, только быстро. Встречаемся у машины через десять минут. Все всё поняли?

– Да, – в один голос ответили парни, и я посмотрела назад. По глазам девочки было понятно, что она здесь единственная, кто ничего не понял. Скоро она начнёт подозревать, что мы с ней не играем. И что тогда?..

Всё же нужно решать вопросы по мере их поступления. Не нужно опережать события. Вдруг этого и не произойдёт? Вдруг кто-то из нас или все мы будем мертвы ещё до того, как этот вопрос успеет обрести вес?

Стоя перед унитазом на коленях, я смывала остатки своего плотного завтрака. Мой желудок всё-таки не выдержал и избавил меня от пищевых излишков. Сначала я поднялась – вернее вбежала – наверх в гостевую комнату, чтобы забрать свою собранную накануне дорожную сумку, но уже спустя несколько секунд стояла коленями на холодном кафеле и извергала из себя материализующееся паническое состояние. Рвота открылась неожиданно резко, но продлилась недолго, так что чувствовала я себя почти здоровой.

Не успела я подумать о своём здоровье, как сразу же испытала новый страх, мгновенно введший меня своими леденящими душу пальцами ужаса в ступор: а вдруг я заразилась?! Вдруг рвота – это симптом болезни, а не результат шока?! Как передаётся вирус?! Вдруг я вдохнула тот же воздух, которым дышала Мередит Литтл?! Но ведь детей, вроде как, не рвало, а они тоже дышали тем же воздухом, что и я... Но вдруг это не действует на детей?!.. Что-то такое говорил один из тех мужчин, бывший военный, ожидающий своих детей на парковке...

От резко испытанного ужаса мой желудок снова скрутило и я изогнулась над унитазом, но в результате меня так и не стошнило.

Нет-нет, этого не может быть... Это не может быть вирус... Но у меня ведь крепкий желудок! За всю жизнь меня стошнило всего два раза и-то лишь из-за острого отравления устрицами и из-за сотрясения мозга, но оба случая произошли со мной более десяти лет назад, в детстве, и вдруг теперь...

Хотя меня всё ещё штормило, повторно меня так и не вывернуло... Тристан! Как себя чувствует он?! Он ведь уже не ребёнок! Или ребёнок?!.. А вдруг эта зараза действует не на всех людей?! Вдруг у кого-то есть иммунитет, а у кого-то его нет...

Выбежав из уборной, я схватила рюкзак и сумку. Если открывшаяся рвота – это не результат пережитого стресса, а действительно симптом заражения, тогда детям стоит ехать одним. Тристан будет за рулём, я отдам им свою сумку и рюкзак, там очень много полезных вещей, даже газовая горелка есть... Но куда они поедут?.. Куда?.. Куда?!..

Сбегая вниз с лестницы, увидев сидящую на полу в прихожей Клэр, я вдруг разволновалась ещё больше и, наверное поэтому, начала кричать:

– Тристан!.. Тристан!.. Тристан!

– Что такое?! – он возник прямо передо мной как раз в момент, когда я уже спустилась с лестницы – вынырнул справа и едва не сбил с ног. От испуга у меня едва сердце не выпрыгнуло наружу.

– Как ты себя чувствуешь?!

– Всё нормально! А что?! Что-то не так?!

– Меня стошнило!

– Всего лишь...

– Ты не понимаешь! Это может быть симптомом!

– Ты всего лишь переволновалась...

– Не уверена... Я не уверена! Возможно вам стоит поехать без меня...

– Теона, – наверху лестницы появился Спиро. Бледный, словно привидение, он держал в руках компактную дорожную сумку и огромный рюкзак, из которого торчали рукава его любимой тёмной ветровки. – Что ты такое говоришь? – его голос вновь дрожал. – Как мы поедem без тебя? Мы ведь даже из города без тебя выехать не сможем...

– Теона, соберись! – Тристан резко и с неожиданной силой схватил меня за плечи. – Это просто переживание! Стресс, понимаешь?! Не нужно горячиться...

– Хорошо-хорошо, – я резко отстранилась от него, – пока что давайте так: продолжайте собирать вещи. Если я почувствую что-то неладное, тогда... – словив на себе испуганный взгляд Спиро, я замолчала. – Скорее всего это и вправду всего лишь испуг, ничего большего. Не останавливаемся: Тристан, спустись в подвал и зачисти полки с продуктами, поищи что-нибудь из быстрого приготовления. Спиро, найди что-нибудь из одежды для Клэр.

– Что я для неё найду? У нас нет девчачьей одежды...

– Мама до сих пор не отдала твою детскую одежду в комиссионный магазин, – отозвался Тристан, уже направляющийся к подвальной двери. – Подписанные картонные коробки стоят в гараже. Занеси собранные вещи в машину, посади в неё девочку и заодно прошерсти те коробки. Смотри те, на которых написаны цифры три и четыре – там одежда обозначенного возраста. И оставайся в гараже! – Тристан резко обернулся. – Мы будем через пять минут.

– Я возьму продукты из холодильника и деньги, – добавила я, уже направляясь в сторону гостиной и наблюдая за тем, как Спиро берёт за руку девочку. – Слушай брата: жди нас в гараже, мы скоро будем.

Сначала я взяла деньги. Стопка сотенных купюр лежала в верхнем шкафчике над холодильником. Нашла записку брата я случайно, в процессе поиска

кухонных ножниц, и точно не собиралась ею воспользоваться, но теперь эти деньги были мне просто необходимы – своих наличных у меня практически не было, а на карточке было недостаточно, как для длительного путешествия с той компанией, которую я собрала.

Подумав о составе своей компании, точнее о том, что в ней нет ни одного действительно сильного участника, вернее союзника (себя-то я считала достаточно сильной), я едва не простонала от осознания собственной уязвимости: если это зомби-апокалипсис, я что, действительно собираюсь встретить его и даже пережить в связке с тремя детьми? Если ответ “да”, тогда похоже, что меня грохнут в ближайшие несколько дней. Вернее сказать: всех нас грохнут. Но сначала, конечно, меня, ведь только через мой труп у кого бы то ни было получится добраться до детей...

Я пыталась отвлечь себя изо всех сил, но всё равно не была способна в полной мере укротить свою панику. Я прислушивалась к себе, как к радиоволне, испорченной внезапно ворвавшимися в её пространство шумами. Вроде бы меня больше не тошнило. Либо я просто пыталась убедить себя в этом. В отсутствии симптомов. Никогда прежде не задумывалась о том, насколько страшное это слово – симптомы... А если сейчас что-то произойдёт, что-то, что скажет мне, что я наверняка заражена? Например, меня скрутит напополам... Нет, меня определённо точно больше не тошнит... Нет, я должна проинструктировать Тристана на крайний случай... Нужно его окликнуть, где он запропастился?.. Да нет же, он меня не услышит, он ведь в подвале, а я на кухне... Подожду, пока сам придёт, а потом расскажу, что и как делать... А “что” и “как” делать?!.. Я ведь совершенно не знаю “что” и “как” делать!.. Так, начнём с того, что Рэймонд – хвала его сообразительности! – уже давно научил парня водить машину, так что с этим проблем не должно возникнуть... Но что дальше?..

Открыв холодильник, я первым делом вытащила из него шоколад и нарезанный сыр. Сама ведь говорила парням не брать чепуху вроде чипсов, но вот не прошло и десяти минут, как я собственноручно кладу плитки шоколада в свою сумку. И всё же, это может понадобиться. Поднятие уровня сахара в крови, гормон радости и прочий бред вроде того, что со мной поедут дети, а дети любят сладкое... Консервы! Замечательно! Что тут у нас? Тунец, ананасы, оливки... Интересно, маленькие девочки едят консервированного тунца?..

Нужно срочно позвонить Рэймонду. Я уже пыталась дозвониться до Кармелиты, но она не брала трубку...

Поспешно набирая номер брата, второй рукой я начала закрывать трещащий по швам рюкзак, машинально размышляя о том, что ещё можно в него впихнуть, как вдруг мой взгляд зацепился за плетёную корзинку, стоящую на столешнице рядом с раковиной. Кексы, которые утром передал Барнабас. Их испекла Мередит... К горлу подступил ком. Так, без сантиментов, всё нормально... Это просто кексы Мередит... Их очень оценит Клэр, их необходимо с собой взять, они притупят внимание девочки ещё на какое-то время – скажу, что их оставила для неё мама, девочка ведь признает родную корзинку и кексы испечённые руками её матери?..

А что с Барнабасом? Что с ним?! Я даже не подумала о нём... Вдруг он жив и сейчас ищет Клэр, а она у нас?!.. Точно, нужно оставить записку! Одну для Барнабаса и одну для Рэймонда с Кармелитой. Рэймонду напишу, что забрала не все деньги из заначки, оставив ему пять сотенных купюр – вдруг он всё-таки приедет сюда и ему необходимы будут наличные? – а Барнабасу... Напишу, что Клэр с нами. Да, о Мередит и двух других его дочерях писать не буду. Он и сам всё увидит, зайдя во двор своего дома...

Не думать – не думать о том, что этот посторонний мне мужчина увидит, и тем более не думать о том, что он почувствует!!!!..

Может быть он уже ничего и не почувствует. “Может быть он уже мёртв”, – неосознанно прошептала себе под нос я сквозь сжатые зубы, выводя на белоснежном блокнотном листе чёрными чернилами слова: “Барнабасу Литтлу: с Клэр всё в порядке, она с нами!!! Мы обязательно за ней присмотрим!!! Номер телефона для связи...”.

Я не успела написать ни единой цифры, так и замерев с занесённой над блокнотом ручкой. Слева за моей спиной, совсем близко, ужасающе отчётливо раздалось гортанное, нечеловеческое, булькающее хрипение. Этим утром я уже слышала такое. Подобные звуки вырывались из окровавленного и искажённого гримасой боли рта Мередит Литтл...

И здесь я вспомнила, что сегодня утром, возвращаясь в дом с пустой чашкой из-под латте и с полной корзиной кексов, я забыла закрыть выход на террасу.

Глава 7.

Я оборачивалась не медленно, как это обычно бывает в фильмах ужасов. Я обернулась резко. Но от этого менее страшно не стало. Наоборот – ужас накатиł сбивающей с ног волной.

У меня в буквальном смысле едва не подкосились ноги, когда я встретиłась с ним взглядом. Это был Барнабас Литтл. Он стоял всего в пяти шагах от меня, растрёпанный, с пятнами крови на бывшей этим утром ещё белоснежной, но уже посеревшей от грязи футболки. Я сразу поняла, что с ним что-то не так. Даже слепец это бы понял – на него не обязательно было смотреть, чтобы чувствовать это. Его кожа посерела, лицо больше напоминало восковую маску, волосы были всклокочены, можно даже сказать, что они стояли дыбом, а его глаза стали стеклянными, как у... Такие бывают у дохлых рыб. Но он был живой. И это было самым страшным. То, что он был жив. Он двигался, он дышал, он смотрел на меня этими... Выцветшими, практически лишенными зрачков глазами...

– Где Клэр? – внезапно прохрипел он, и от этого мученического хрипа по моей коже мгновенно разбежалось стадо нервных мурашек. Я не ожидала, что он заговорит. Почему-то я даже не предполагала такой возможности. Клишированные фильмы про зомби не рассказывали о существовании говорящих чудовищ. В хорошо срежиссированных фильмах они рычали, хрипели, стонали, скрежетали зубами, но никогда не говорили. Человеческим голосом. Почти таким же, какой он был у него до того, как с ним случилось то, что случилось... Как с ним это случилось?.. В смысле, достаточно ли просто находиться с ним в одной комнате и дышать тем воздухом, который он выдыхает из своих заражённых лёгких, чтобы эта же страшная участь постигла и меня?

Я понимала, что Барнабас всё ещё пребывает в здравом уме, но шестое чувство подсказывало мне, что это может оборваться в любой момент. Он вполне может отключиться как по щелчку – почему бы и нет? – и тогда... Я почему-то отчётливо чётко представляла брызги собственной крови на дизайнерской напольной плитке и на резных фасадах кухонных шкафчиков.

– Клэр с нами, Барнабас... Мы присмотрим за ней... – я аккуратно сделала полшага назад, нелепо надеясь на то, что мой собеседник не заметит этого моего телодвижения.

– Посмотрите за моей Клэр, да? – его голос стал ещё меньше походить на голос здорового человека. – Присмотрите за ней... За моей... Маленькой... Да... Она самая маленькая... За самой маленькой... Да? Ты присмотришь за ней? Теона? Теона Тейт? Да? Да? – он сделал шаг в мою сторону и на сей раз я тоже сделала отчётливый шаг назад.

– Да, я обещаю присмотреть за ней!

– Теона Тейт! Теона Тейт! Посмотришь за Клэр? Посмотришь за моей Клэр, да?! А за Лорелеей посмотришь?! Посмотришь за Фрэнсис, да?! Их нужно отвезить... На балет! На плавание! У Фрэнсис сколиоз... Да? У Лорелеи потерялись пуанты! Да? За ними посмотришь, да?! Да?! За Мередит... Теона Тейт, посмотри за Мередит! Посмотри Мередит! Мередит! Она болеет... Ты переехала Мередит! Я видел! Да! Я видел! Ты наехала на Мередит, с-с-сук-к-ка!..

Всё. Щелчок случился. Больше никакого диалога. Дальше игра в догонки.

Мы сорвались со своих мест одновременно. Я рванулась в сторону выхода, в коридор, он последовал за мной, и я сразу же поняла, что он догонит меня. Он крупнее меня, его шаг шире... Можно сказать, что осознала я это вовремя, и это же осознание ознаменовало для меня принятие страшного факта: близкого контакта не избежать, а это значит, что мне придётся защищаться, а раз мне придётся защищаться от того, кто не остановится, пока не убьёт меня или не умрёт сам, мне придётся...

Мой мозг работал так быстро, что действия начали опережать мысли: тело само бросилось в противоположную от изначально обозначенной траектории, руки сами зацепились за столешницу, ноги сами обогнули стол... Но вот нож для разделки мяса я вытащила из подставки совершенно осознанно. И всё равно не успела.

Схватив меня за рюкзак, Барнабас отшвырнул меня в сторону и спасительный нож со звоном упал на неестественно чистый кафель. Тот самый, по которому скоро должна была растектись моя бордовая кровь...

Прежде чем завалиться на спину, я вскрикнула, но крики ещё никому не помогали устоять на ногах – я полетела вниз, оставив рюкзак в руках сумасшедшего. Ему понадобилась секунда, чтобы понять, что в его руках

осталась совершенно бесполезная вещь, а его мишень растянулась на полу прямо перед ним. Мне не хватило бы даже пяти секунд, чтобы дотянуться до упавшего предательски далеко ножа, но мне хватило этого мгновения, чтобы в следующее выставить ноги вперёд: когда он бросился на меня, я врезалась ногами прямо ему в грудь. Я не ожидала, что это вызовет у него кровотечение, тем не менее из его рта брызнула кровь странного цвета. Обыкновенная красная кровь, соприкоснувшись с моими джинсами, быстро приобрела металлический оттенок. Наверное, я успела рассмотреть эту мелкую деталь из-за шокового состояния – я где-то слышала, что в стрессовых ситуациях люди начинают сосредотачиваться на ничего не значащих деталях, словно специально опуская важные. Видимо именно это со мной сейчас и происходило. Я понимала, что нахожусь на волоске и потому начала замечать глупые детали... Почти видеть свет в конце тоннеля...

Мой удар почти никак не подействовал на то существо, в которое обратился Барнабас Литтл. Зато это действие позволило мне оттолкнуться от грудной клетки противника и приблизиться к ножу, проскользив спиной по начищенной напольной плитке. Но всё равно я оказалась недостаточно близко. Он снова рванулся ко мне, но следующее, совершенно случайное действие, выкроило для меня ещё пару секунд: беспорядочно махая ногами я зацепила фасад нижнего шкафчика и распахнула его как раз в момент, когда Барнабас ринулся на меня. В итоге он перевалился через него и, пока он летел прямо на меня, я перекатилась на бок и оттолкнулась в сторону ножа. Но опоздала. Он упал прямо на мои ноги. Он до безумия больно впился в мои бёдра цепкими, сильными пальцами. Возможно эта страшная боль или леденящий ужас, растекшийся по всему моему естеству, но что-то явно заставило меня вскрикнуть. Как раз в тот момент, когда мои пальцы обвили холодную стальную рукоятку литого ножа.

Я обернулась не до конца, лишь боком, но этого ракурса мне более чем хватило, чтобы всадить нож по самую рукоятку в бок нападающего на меня чудовища. Вот только это не сработало. Глаза дохлой рыбы лишь ещё больше расширились, едва не выпадая из своих орбит, а цепкие пальцы впелись в мои бёдра с ещё большей силой. Казалось, ещё чуть-чуть и он прорвёт плотную джинсовую ткань и вопьётся в мою плоть своими безжалостными, нечеловечески сильными пальцами...

Прежде чем чудовище поняло, что я уже вонзила в него нож единожды, я вытащила из него своё оружие и ещё раз ударила им, на сей раз менее удачно – нож встретился с ребром и вошёл лишь наполовину. На лице-маске существа не

отобразилось ни единой эмоцией. Казалось, он ничего не чувствует, и кровь из его ран хлещет в пустую, не нанося ему никакого вреда. Однако он замер, словно прислушивался к собственной боли, которую никак не мог расслышать. И я замерла вместе с ним, стиснув зубы, чтобы не кричать воплем от беспощадной боли, от дикого страха.

Чудовище восседало на мне верхом и слушало-слушало... Я же слышала только своё надсадное дыхание и, кажется, эхо шагов приближающегося конца, которое, скорее всего, являлось банальным биением моего перепуганного до опасного предела сердца. Боясь пошевелиться, чтобы не потревожить внезапно замершее на мне чудовище, я максимально чётко осознавала, что это конец. Даже если он не убьёт меня, я, скорее всего, уже заражена. А это хуже, чем смерть. Это хуже чем всё, что я знала до сих пор...

Крик взорвал мои уши. Мне показалось именно так: взорвал. Чудовище, до сих пор тихо сидящее на мне, завопило так, как не вопил на этой земле ещё никто и никогда. Это был противоестественный, невозможный в природе вопль... Наверное, оно наконец почувствовало боль... Оно бросилось прямо на моё лицо. Наверное, оно целилось своими оскалившимися зубами в мою сонную артерию, течение крови в которой в эти последние секунды чувствовала и даже слышала я сама.

Я не помню, чтобы я вынимала нож из его тела, но я отчётливо увидела, как моя рука всаживает его глубоко в горло чудовища и перерезает его напополам: от неестественно увеличившегося кадыка к левому уху.

Кровь брызнула на мои руки, но я вовремя отстранила лицо, в животной надежде на то, что я всё ещё могу спасти себя от заражения, от участи самоуничтожения... Но даже после этого чудовище отказывалось издавать последнее издыхание. Хрипя, оно фонтанировало кровью и продолжало сжимать мои бёдра, как вдруг раздался оглушительный хлопок. Сначала я подумала, что так звучит разрыв моего слетевшего с катушек сердца, потом, что хлопок раздался внутри чудовища, что внутри него что-то взорвалось, что-то поддерживающее в нём жизнь, потому что сразу после этого хлопка оно завалилось на бок, резко выпустив мои страдающие бёдра из своей мёртвой хватки. И только когда я увидела блеск начищенного чёрного пистолета и услышала знакомый голос, я поняла, что всё гораздо, гораздо прозаичнее.

– Теона! Теа! Ты как?! Ты в порядке?! – Тристан опустился на колени рядом со мной совершенно не боясь ни испачкаться в крови, ни перспективы заражения.

– Он вошёл через открытую дверь на террасу... – потерянным взглядом упираясь в высокий потолок, спустя несколько секунд отозвалась я неожиданно бесцветным тоном. – По-видимому, я забыла её закрыть.

– Ты не ранена?! Он не ранил тебя?!

– Тристан, послушай меня внимательно, – резко встав на локоть, я схватила племянника окровавленной рукой за чистую футболку. Поняла, что лучше бы я этого не делала, и сразу же отдернула её, но уже было поздно – футболка покрылась кровавыми разводами, на глазах принимающими странный металлический оттенок. – Слушай внимательно. Теперь не я – ты отвечаешь за Спиро и Клэр. Немедленно убирайтесь отсюда и ни при каких условиях не возвращайтесь! Не оборачивайтесь, едьте только вперёд, не заезжайте в города!..

– Ты должна ехать с нами!

– Я остаюсь.

– Теона, ты должна ехать с нами!!! – голос парня звучал на максимуме. Лучше бы он так не кричал: нас могут услышать дети. Нас могут услышать другие, такие же, как Барнабас, сейчас наверняка блуждающие в ещё не до конца успевшей проснуться округе, совсем рядом...

– Я остаюсь в городе! – выкрикнула я достаточно громко, чтобы до парня наконец дошло, и недостаточно громко, чтобы меня мог услышать кто-то за стенами этой ставшей внезапно страшной комнаты. – Я остаюсь в этом доме!

Глава 8.

Во-первых, выстрел Тристана случайно пришёлся прямо в сердце того, что прежде было Барнабасом. Во-вторых, мы не можем сделать вывода, что именно попадание в сердце убило чудовище, потому как перед этим я нанесла ему два серьёзных ножевых удара и перерезала ему глотку. В-третьих, до безумия дикое желание человека выжить при любых условиях, как оказалось, может толкать его на жестокие поступки. Я поддалась уговорам Тристана. Пусть ему это и далось тяжело, но я поддалась.

Он закрыл выход на террасу, принёс мне мою одежду из спальни. Я быстро ополоснулась под душем практически ледяной водой, переоделась и... Снова уцепилась за свою жизнь мёртвой хваткой, как всего десять минут назад за мои бёдра цеплялся Барнабас Литтл. На бёдрах остались кровоподтёки, обещающие серьёзные синяки...

После холодного душа меня словно накрыло полотно благоразумия. Я никак не могла объяснить себе своё спокойствие и неожиданно вставший у руля моего разума здравый смысл, но факт оставался фактом – я начала мыслить гораздо трезвее, чем это было до столкновения с Барнабасом. Возможно, я наконец поняла, что происходящее правда. Человечество умирает.

Пистолет я оставила Тристану. На тот случай, если со мной начнёт происходить что-то неладное. Я настояла на выстреле в сердце, не требуя от него контрольного в голову – патроны необходимо беречь, и осознание этого у меня было уже сейчас. Да и зачем лишняя психологическая травма? Убить меня – это уже слишком, но после ещё тратить время на то, чтобы смотреть, не оживёт ли мой труп и, если всё-таки оживёт, повторно сразить его пулей в лоб, это было бы чересчур. Сработает – сработает, нет – пусть он об этом так и не узнает. Пусть уезжает и всё... Дальше будь что будет. Над вариантом суицида я ещё раз подумаю – может быть у меня могло бы получиться, чтобы парню после не жить с этой психологической травмой. Пусть даже если ему самому жить останется недолго.

– Вы чего так долго? – Спиро стоял возле машины с широко распахнутыми глазами.

– Нашёл одежду для девчонки? – благоразумно решил отвлечь брата Тристан, но у него не получилось.

– Да, нашёл и уже укомплектовал... Почему вы так долго? Я слышал крики и звук, похожий на выстрел... Теона, ты переоделась? – Спиро осматривал мои новые джинсы и не соответствующую моменту футболку с умеренным декольте так, словно на них был написан ответ на интересующий его вопрос.

– Тебе ведь было сказано сидеть в машине, – специально жёстко начала говорить я, чтобы ещё раз попытаться избежать нежелательных объяснений. – Первый и последний раз тебе говорю: слушайся старших. Что бы тебе ни сказала я... – на секунду я замаялась, думая, стоит ли упоминать Тристана, который сам ещё по сути является ребёнком, я всё же добавила. – И что бы тебе ни сказал Тристан – делай чётко. Сказано сесть в машину и ждать в ней – садись и жди. Понятно?

– Понятно, – парень заметно потух, что мне сейчас от него и нужно было.

– Замечательно, клади это в багажник, – я протянула ему сумку с едой, которую успел собрать Тристан, и пока Спиро отходил к багажнику, открыла пассажирскую дверь. Клэр сидела пристегнутой посередине заднего сиденья. Справа от неё возвышался набитый до отказа рюкзак Тристана, в руках девочка держала рыжее существо, о котором я уже успела забыть. А ведь и это тоже проблема: вода, еда, туалет... У меня не было ни переноски для животных, ни детского кресла для поездки. А если животное буйное? Если котёнок испугается и во время поездки забьётся под педали, что тогда?

– Клэр, смотри, что тебе оставила твоя мама, – наигранно улыбаясь, я протянула девочке плетёную корзинку с кексами, прикрытую салфеткой с рисунком по мотивам сказок братьев Grimm.

– Мамины кексы... – с подозрением посмотрела на корзинку девочка.

Что ж, это откровенно не та реакция, на которую я рассчитывала. И всё же я должна выдавить из малышки правильную реакцию, если хочу добиться плодотворного или хотя бы терпимого сотрудничества с ней в ближайшее время.

– Да, это мамины кексы, Клэр. Она оставила их тебе, ты ведь завтракала? – я наклонилась к девочке и поправила её платице, отметив, что это, пожалуй, не самая практичная одежда, как и её открытые сандалии.

– Да, я съела всю кашу, – всё ещё с подозрением смотрела на меня девочка.

Что ж, по-видимому мне придётся привыкать к этому тону и взгляду. Со временем он, может быть, пройдёт или усугубится. А может быть не успеет ни пройти, ни усугубиться, потому что наши жизни пройдут быстрее.

– Вот видишь, всю кашу! За это твоя мама оставила тебе целую корзинку кексов. Ты ведь любишь мамины кексы, правда?

– Люблю... – тон девочки смягчился, она начинала терять бдительность. – Я люблю шоколадные, Лолелея любит с цукатами, а Флоленс с изюмом...

– Вот, смотри, тут целых три шоколадных, – я сняла салфетку с корзинки. – Твои любимые... – с этими словами я, очевидно совершенно неожиданно для девочки, начала забирать из её рук котёнка, взамен подсовывая ей корзинку со сладостями. Вовремя заметив мгновенно выступившие на её глазах слёзы и отметив хватку, с которой она вцепилась в животное, я поняла, что лучше бы я этого даже не начинала – только за считанные секунды все свои достижения разбила в пух и прах. Но я была хитрее этой девчонки.

– Подожди же, я не отбираю его у тебя, – якобы наивно усмехнулась я. Конечно же я обманывала её – на самом деле я хотела оставить котёнка в гараже, с парой-тройкой открытых консервов наедине. И, наверное, даже с открытой форточкой, чтобы со временем он смог выбраться на улицу и уйти отсюда куда-нибудь подальше. Научился бы ловить мышей и охотиться на мелких птиц. – Смотри, – я достала из корзинки льняной мешочек, в который были аккуратно уложены кексы, и, отложив его на панель за сиденьем, протянула корзинку обратно девочке. – Клади своего друга сюда, это станет для него отличным домиком.

Девочка, ещё секунду назад находящаяся на грани слёз, мгновенно просияла в лице и собственноручно опустила испуганного котёнка в корзинку, где он сразу же прижался ко дну, всем своим видом явно показывая мне, что не собирается вылезать из своего новообретенного убежища и бросаться мне под педали. Что ж, если я не хочу пугать девочку, пока что придётся оставить этого зверя при себе.

– А твой котёнок тоже сегодня съел всю кашку на завтрак? – сквозь зубы улыбнулась я.

– Нет, что ты, он не ест кашку! – безмятежно усмехнулась девочка – как раз та реакция, на которую я рассчитывала с самого начала этого беспощадного диалога. – Он кушает специальный колм.

– А ты его сегодня уже кормила этим специальным кормом?

– Угу, – девочка кивнула белокурой головкой, не отрывая своего ясноокого взгляда от прижавшегося ко дну корзинки котёнка.

– Ну и замечательно, – с облегчением выдохнула я. И зверь с голоду в ближайшее время не собирается помирать, и девчонка, видимо, не особенно-то и капризная попалась. Могло быть и хуже. Наверное.

– Спиро, садись с ней рядом и не спускай с кота глаз, – выпрямившись и взявшись за дверцу, я махнула парню головой, указывая ему на его место.

– Может быть всё-таки останемся и дождёмся возвращения родителей? Мы можем закрыться в доме и переждать.

– Спиро, что я тебе минутой ранее говорила о вопросах послушания?

– Но куда мы поедem, Теона? Куда?! – у мальчика тоже сдавали нервы. Я должна была это учитывать. Учитывать то, что здесь все пострадавшие – не я единственная. Учитывать, что они – дети, а я – взрослая. Учитывать всё и всех... Им по этому поводу париться не нужно. Им вообще по многим поводам не нужно париться. А мне нужно. Больше всех нужно.

Ясные глаза мальчика призывали меня к ответу. Тяжело выдохнув, я случайно встретилась взглядом с Тристаном, уже ожидающим нас на переднем пассажирском сиденье. Ему тоже хотелось знать, куда именно мы собираемся отправиться. Им необходимо было знать конкретное место, конкретную точку на карте, а не то, которое я обозначила как: “Куда угодно, только чтобы подальше от этого города”.

– Мы поедem к моим родителям, – наконец выпалила я под прессом давления детских глаз, сама не ожидая от себя подобного ответа. Но он, как уже в следующую секунду я поняла, оказался максимально и отрезвляюще логичным.

– К бабушке и бабушке? – глаза Спиро округлились до предела. – Мы поедem в Швецию? Но... Это ведь далеко!

– Да, мы поедem в Швецию. И это не так уж и далеко – всего семь часов езды.

Замешательство сменилось уверенностью, стоило мне только определиться с конкретной точкой на карте. Очевидно, парни не были так же воодушевлены вынесенным мной вердиктом, как была воодушевлена им я. Каждый из них по-своему переваривал услышанную информацию: Спиро был явно удивлён, а Тристан, судя по всему, решил просто довериться моему выбору. Я же была удовлетворена и даже в какой-то мере довольна своим решением. И как я сразу об этом не подумала? Родители – вот та точка, которая должна стать целью моей жизни в ближайшие часы.

О том же, что родительское гнездо может оказаться для нас не спасительным оазисом, а опасным островом, жителей которого также придётся спасать, я даже не задумывалась. Я хотела думать и думала, что то, что происходит здесь, в Норвегии, не происходит в Швеции: Швеция – это другая страна, другие люди, другая территория. В конце концов, это другой мир: мир моих родителей, тёплого молока перед сном и горячих оладий на завтрак. Там мы точно сможем отсидеться и даже отъесться на маминых пирогах. Как давно она не видела внуков? Хотя, вроде бы они виделись в начале лета...

Мои мысли о скорой встрече с родителями прервал странный звук. Скрежет железа...

Кто-то скрёбся в ворота гаража.

Кто-то достаточно высокий, чтобы затемнять своей тенью боковое окно. Это был не человек. Это были люди. Их определённо точно было несколько и они определённо точно скреблись о гаражные ворота вместо того, чтобы, как обычные люди, воспользоваться звонком или кулаком, чтобы дать знать о своём приходе. Их что-то привлекло... Неужели наши голоса? Но откуда такая патологическая настойчивость? Что им нужно?..

Спиро как ветром сдуло в машину. Я же, наблюдая за тем, как людские силуэты движутся за мутным матовым окном, замерла, словно замороженная представлением пугающего театра теней. Лишь заметив, как Спиро садится впритык к Клэр, чтобы в нужный момент прикрыть ей глаза ладонью – лишь бы он сам не забывал вовремя закрывать глаза! – я пришла в себя.

– Сыграем в прятки, – серьёзным, совершенно не подходящим для игры голосом произнесла я, посмотрев на Клэр, вдруг напрочь забывшую про котёнка в корзинке и теперь всецело поглощающую меня своим пронизывающим детским взглядом. – Пусть Спиро закрывает тебе глаза ладошкой всегда, когда этого будут требовать правила игры, понятно?

В ответ девочка утвердительно кивнула головой. Она снова боялась. Всё-таки все старания уберечь детей от страхов и самой от них уберечься будут всякий раз разбиваться о то, что нас ждёт за пределами этих стен, в новой реальности, критических масштабов которой мы всё ещё не знаем и только лишь можем подозревать. Нужно с этим смириться. Лучше сразу, чем поздно.

– Замечательно, – для самой себя вслух произнесла я, наконец определив, с чем именно я могу справиться, а что никак не будет зависеть от моих стараний. – Спиро, – я одарила племянника максимально серьёзным взглядом, на который только была способна. – Закрывай свои глаза всегда, когда сможешь, понятно? Лучше закрой их прямо сейчас. Пригнитесь оба и не открывайте глаза, пока я не разрешу вам этого сделать, – в упор заглядывая в светлые глаза любимого племянника, я знала, что он меня слышит, и потому ещё сильнее хотела быть услышанной. – Тебе это не нужно, ясно? Не увидь этого... Чтобы тебе это никогда не мерещилось в твоей жизни и не снилось по ночам. Не увидь этого.

Глава 9.

Можно было бы и подождать. Сначала я планировала сделать именно так, но спустя всего минуту напряжённого ожидания поняла, что ждать я не буду. Время могло подвести нас в любой момент: если я заражена и симптомы ещё просто не дали о себе красноречиво знать, значит мне стоит хотя бы попытаться успеть перевезти детей через норвежско-шведскую границу. Мне жизненно

необходимо успеть сделать для них максимум из того, что я ещё могу сделать, пока нахожусь в здравом уме, поэтому тактика выжидания для меня не могла являться оптимальным вариантом. Необходимо было двигаться. Движение – это жизнь. По Аристотелю.

Провернув ключ зажигания в замке, я встретила взглядом с сидящим сбоку Тристаном. Я кивнула ему, словно подпольно сообщая о начале судьбоносных скачек, и в ответ он ответил мне тем же жестом.

– Спиро, Клэр, закрывайте глаза... И не открывайте до тех пор, пока я вам не разрешу этого сделать, – мой голос прозвучал не так уверенно, как мне этого хотелось бы. Может быть потому, что обращаясь к детям я была всецело погружена в мысли о том, что все двери и окна в доме мы оставили запертыми, и, если Рэймонд и Кармелита всё-таки окажутся здесь, они смогут найти дом нетронутым, пусть мне и придётся сдать в осаду целый гараж.

Нажав кнопку на брелке от связки гаражных ключей, я почти почувствовала, как сработавший коротким звуковым щелчком клик, оповещающий о сработавшем нажатии, кольнул кончик моего большого пальца, дерзнувшего осмелиться на столь опасное телодвижение.

Ворота начали медленно ползти вверх. Они открылись лишь на пару сантиметров, а я уже могла рассмотреть ноги поджидающих нас снаружи людей.

Посчитав количество пар ног, торчащих из-под поднимающихся ворот, я поняла, что их пятеро. Впрочем, уже через несколько секунд я так же быстро поняла, что могла обойтись и без этого бессмысленного подсчёта – в момент, когда все пятеро упали на колени и, не дожидаясь открытия ворот, начали пролезать под них.

– Теона... – вжавшись в своё сиденье, Тристан схватился за дверной подлокотник.

– Тихо-тихо... – напряжённо прошептала я, наблюдая за подходящими к нашей машине полулюдьми. Ворота всё ещё не поднялись на достаточную высоту. – Мы заблокированы... Всё под контролем... Не открывайте глаза, Спиро и Клэр, – почти беззвучно шептала я.

Позже, анализируя первый день, я осознаю, почему я с самого начала не просила закрывать глаза Тристана. Я не делала этого даже не потому, что он всё равно бы не послушался меня. Я не делала это потому, что уже тогда ставила все свои фишки на него: если со мной что-нибудь случится, именно он должен будет взять на себя весь груз ответственности. К наступлению подобного момента он должен был быть готов и защититься, и защитить. Я осознавала и принимала высокую вероятность своей гибели уже тогда.

Все пятеро пролезших под воротами существ ещё несколько часов назад – целую вечность назад – были соседями Рэймонда и Кармелиты. Двое из них были хозяевами того самого древнего пса по кличке Инглинг, который каждое утро с завидной старческой настойчивостью облаивал рассвет. Ещё двое совсем недавно были новоиспечёнными молодожёнами, живущими сбоку от Литтлов, и ещё один прежде жил в самом начале улицы, он любил совершать утренние пробежки. Именно любитель пробежек сейчас вёл себя агрессивнее остальных: пока явившаяся без приглашения компания бывших соседей медленно окружала машину с разных сторон, он уверенно вре?зался в бампер коленями и, нагнувшись вперёд, нещадно ударил по капоту своими сильными ладонями. То ли отозвавшееся от удара и повисшее под высоким потолком гаража эхо, то ли нечто иное, но что-то привело всех остальных его спутников в смятение: женщины закричали и начали буквально рвать на себе волосы, в то время как мужчины начали издавать гортанные звуки, напоминающие искажённое звериное рычание.

Я не была уверена в том, что высоты не до конца поднятых ворот хватит, но ждать, когда одно из этих существ додумается сорвать со стены висящий в опасной близости к нашей машине огнетушитель, мне в эту минуту хотелось меньше всего на свете. Поэтому я аккуратно нажала на педаль газа. Совершенно не обращая внимания на то, что самое агрессивное из всей компании существо всё ещё гладило наш капот своими конвульсивно трясущимися руками.

– Теона... – Тристан ещё больше вжался в своё кресло, наблюдая за тем, как я начинаю вывозить существо из гаража верхом на нашем капоте.

– Всё в порядке, – заметив, что движение автомобиля привело остальных существ в истерию, я резко нажала на педаль газа и, выехав из гаража, резко затормозила. Существо слетело с капота на газон. – Не бойся их давить. Бойся того, что если не раздавишь ты – раздавят тебя, – смотря в зеркало заднего вида

и видя, как четверо оставшихся позади существ выбегают из гаража с душераздирающими воплями, явно желая нагнать нас, я снова уверенно нажала на педаль газа. Я совершенно осознанно вывернула руль слегка вправо, с расчётом на то, чтобы не переехать распластавшееся на газоне существо полностью – не хотела лишний раз рисковать автомобилем, – но чтобы непременно наехать на него частично.

Даже в герметично закрытом салоне хруст прозвучал безжалостно отчётливо, одновременно с прыжком, как будто результат попадания в глубокую яму... И ни единого звука после. Потому что чудовище, лишённое головы, не способно издавать никаких звуков.

“Не бойся их давить. Бойся того, что если не раздавишь ты – раздавят тебя”, – на сей раз я осознавала, что начинаю натаскивать Тристана параллельно со своим собственным обучением. И хотя я подбирала слова так, чтобы не травмировать сидящего на заднем сиденье Спиро, я знала, что он тоже понимает, что именно я говорю, что делаю и что способна буду сделать, если от меня это понадобится. Этой способности я хотела бы ожидать и от них, поэтому, если это понадобится, я добьюсь её от них. Сломаю детскую психику и даже их носы, но добьюсь. Чтобы они смогли выжить.

Глава 10.

Ехать через город было бы чистой воды безумием. Тем более с учётом того, что на ближайшую трассу, ведущую к Шведской границе, можно было выехать с дороги, лежащей практически за нашим домом. Поэтому я повернула направо.

Так я неосознанно начала череду принятия решений в цепи выборов, которые я зачастую не буду даже осознавать.

Проезжая мимо дома Литтлов, я старательно смотрела на асфальт прямо перед собой, чтобы случайно не увидеть лежащее посреди соседского газона разорванное детское тело и торчащие из теперь уже несуразно ухоженного дома белоснежные конечности другого ребёнка, когда-то танцующего балет. Я упрямо смотрела вперёд, чтобы случайно не увидеть искорёженное тело

Мередит. Ведь его искорёжила я...

Мы промчались мимо дома Литтлов и мимо своего дома на непозволительной для городской черты скорости. Не сбавляя скорость, а лишь наращивая, в конце улицы я повернула ещё раз направо и, спустя двести метров, наконец увидела заветную табличку с перечёркнутыми буквами, сложенными в красноречивое слово "Грюннстайн".

Оказавшись за чертой ещё не до конца проснувшегося, но уже смертельно поражённого города, я почувствовала лишь незначительное облегчение. В этот момент я ещё не понимала, что чувство постоянного напряжения с этого утра будет считаться моей персональной нормой.

– Уже можно открывать глаза? – вдруг раздался сзади напряжённый голос Спиро.

– Можно, – тяжело выдохнула я, подсознательно желая выдохнуть из лёгких всё накопившееся в моём нутре напряжение, но метод выдоха не сработал. Странно, но почему-то как будто стало только хуже.

– Это ведь зомби? – отстегнув ремень безопасности, Спиро протиснулся между передними сиденьями.

– Не говори ерунды, – отозвался на слова брата Тристан, за что я была ему искренне благодарна – сейчас мне совсем не хотелось разговаривать, тем более объяснять детям, что именно происходит, и тем более обсуждать с ними происходящее. Я сама ничего не понимала. И, что очень естественно для взрослых особей, не хотела этого признавать, тем более перед детьми. Тем временем Тристан продолжал. – Зомби едят мозги, а эти... Эти, похоже, просто едят людей.

– Разве это не одно и то же?

– По-моему, нет, – пожал плечами Тристан. – Хотя фиг разберёшь. Вроде как и то, и другое каннибализм.

– А кто такие зомби и каннибалисты? – с заднего сиденья раздался звонкий девичий голосок.

Повернув голову вправо и встретившись взглядом с парнями, я, спустя несколько секунд, произнесла невозмутимым тоном:

– Ну что, договорились? Давайте теперь, объясняйте ей по-очереди.

– Она всё равно рано или поздно всё узнает, – гулко выдохнул Тристан.

– Вот как? И каким же образом? И от кого? Может быть ты ей всё расскажешь? Объяснишь ей сам?

– Ладно-ладно, я понял, – поднял руки вверх старший. – Больше никакого трёпа. Будем фильтровать, прежде чем что-то говорить при Клэр, понятно, мелкий? – он щёлкнул брата пальцами по голове.

– Да куда уж понятнее... – поморщился от полученного щелчка Спиро.

– Что-то случилось с мобильной связью, – выдавила я, смотря на свой мобильный телефон, отказывающийся выполнять исходящий вызов.

– У нас тоже, – тоже заглянул в мой телефон Тристан. – Я раз двадцать пытался набрать родителей – исходящий невозможен.

– Но как же мы с ними свяжемся и предупредим?.. – Спиро замер, оборвав свой вопрос удивлённым возгласом. – Ничего себе! А это ещё что такое?!

Я тоже это видела. Заметила на несколько секунд раньше Спиро. Горящие обломки самолёта были разбросаны по скошенному пшеничному полю. Хотя огня было мало, мощь зрелищности, мягко говоря, была устрашающей. Чёрный дым с разных частей поля поднимался ровными столбами копоти к голубому небу и расползался по нему, словно чернила по идеально чистой промокашке, и приблизительно в километре от ближайшего к нам осколка полыхал яркий огненный факел.

– Это русский самолёт, – в напряжении я не заметила, как до боли прикусила нижнюю губу. Как я могла забыть об этом?! Рухнувший самолёт по направлению трассы P1! Если обломки окажутся на дороге и мы не сможем проехать – нам придётся возвращаться назад, а это кошмарная трата времени!

– Это случилось из-за того, что творится в городе? – Тристан посмотрел на меня в упор.

– Нет... Навряд ли. Самолёт рухнул в пять утра, ещё до того как...

Я так и не договорила свою мысль, отчётливо рассмотрев впереди то, чего я опасалась сейчас больше всего – обломки самолёта действительно валялись посреди дороги таким образом, что, кажется, их невозможно будет объехать.

И всё равно я не остановилась, не развернулась и не направилась назад в Грюннстайн. Я решила оценить препятствие вблизи: со стороны осколки не кажутся крупными – вдруг я смогу оттащить их на обочину на достаточное расстояние, чтобы автомобиль смог проехать?..

Остановившись в метре от самого крупного осколка – продолговатого куска порванного железа, не внушающего никакого воодушевления, я замерла на несколько секунд, думая, что же на самом деле будет лучшим решением: выйти из машины и попытаться оттащить осколок хотя бы на полметра вбок или остаться в машине, развернуть её и вернуться в город, чтобы проехать по его центральной улице, которая, скорее всего, уже кишит заражёнными людьми.

Странно, но не мысль о толпе заражённых заставила меня выбрать вариант с попыткой оттащить обломок в сторону, а осознание того, что если я поверну назад, тогда мне придётся снова проехать мимо дома Литтлов.

Я начала смотреть по сторонам, в попытке рассмотреть признаки жизни. Здесь явно должны были быть люди, о чём буквально кричали распахнутые нараспашку двери пустой кареты скорой помощи, беззвучно мигающей своей синей сереной, несколько брошенных на обочине автомобилей и оградительная жёлтая лента, которой, судя по всему, пытались, но так до конца и не оградить один из самых больших обломков самолёта – его хвост.

До сих пор я никогда в жизни не видела обломков самолётов. Этот был небольшим – в своё время я летала на самолётах, которые превышали в размерах этот как минимум в два раза, – но его полыхающие и искорёженные обломки придавали его образу настоящий гигантизм. Стальной гигант, разбившегося от тяжести собственного веса. Как эти тонны железа вообще способны отрываться от земли?..

– Я сейчас выйду из машины, – уверенно начала я, в течение минутной заминки так и не рассмотрев в округе никаких признаков хоть какой-нибудь жизни: враждебной или дружелюбной. – Я попытаюсь оттащить эту штуку в сторону, чтобы не поворачивать назад. Вы все сидите в машине и смотрите по сторонам. Если что-то заметите – кричите через приоткрытое окно, но из машины не выходите ни при каких условиях...

– Я хочу тебе помочь! – Спиро, как обыкновенный малолетний мальчишка, опередил своего брата в сопротивлении.

– Спиро, ты смотришь за Клэр! – обернувшись назад, резко оборвала я, уверенным напором пытаюсь за короткий промежуток времени отрезвить обоих парней. Словно мне сейчас только детских выходов не хватало для усложнения ситуации! – Что бы и когда я ни делала, я хочу знать, что ты всегда присматриваешь за ней. Тебе понятно?

– Понятно.

– Что тебе понятно, Спиро?

– Что присматривать за Клэр – это самая ответственная часть, – парень откинулся на спинку сиденья, скрестил руки на груди и совсем не по-мужски, а откровенно по-детски надул губы. Клэр смотрела на меня широко распахнутыми голубыми глазами.

Мысленно я ухмыльнулась тому, как дети, в частности мальчишки, могут накручивать ценность своих задач и поступков. Однако конкретно в этой ситуации мне эта способность моего ещё неоперившегося племянника была на руку.

Оставив ключ зажигания в замке, я посмотрела на Тристана, изначально желающего, но в результате так и не отстегнувшего свой ремень безопасности. Замечательно. Может быть хотя бы с этим парнем у меня не возникнет серьёзных проблем.

– Будь начеку, – оставив разборки со Спиро позади, с псевдооблегчением выдохнула я, почему-то будучи уверенной в том, что после моего резкого диалога с младшим, с Тристаном спорить мне не придётся. – Если начнёт происходить что-то неладное, дайте знать сигналом или голосом.

Не дождавшись от насупившегося парня ответа, я ещё раз посмотрела во все зеркала заднего вида и, убедившись, что всё “чисто” в условиях тотального разгрома, открыла свою дверь, и шагнула на плавящийся от высокой температуры асфальт – крыло самолёта горело слишком близко к дороге.

В нос сразу же ударила едкая смесь запахов гари: жжёное железо, резина и плоть. Человеческая плоть. Не знаю откуда, но я сразу поняла происхождение этого страшного зловония, от которого волосы на моём теле стремились встать дыбом, и из-за этого меня снова затошнило. “Из-за запаха... Это из-за запаха...”, – мгновенно начала убеждать себя я, не желая верить в то, что моя тошнота может быть напрямую связана с заражением. Однако в тошноту, как не признак заражения, было сложно поверить, даже с учётом того, что себя пыталась убедить я, а когда я этим занималась, у меня, обычно, всегда получалось достичь сотрудничества с собственным разумом. У меня всегда был сильный желудок. Достаточно сильный, чтобы трижды в жизни опробовать роупджампинг, регулярно заниматься альпинизмом и десяток раз только за прошедший год взять штурмом одиночный парапланеризм. Меня не может просто так тошнить...

Посмотрев на хвост самолёта, лежащий почти впритык к обочине, я ещё раз осмотрелась. Горящих обломков было очень много, а день обещал быть жарким, даром что безветренным. Прошло уже больше двух часов с момента свершившейся катастрофы. За два часа пожарники могли бы справиться со своей работой трижды, но, судя по лежащему в кювете пожарному автокрану, у них были весомые причины не справиться...

“Сколько здесь карет скорой помощи? Пять? И как минимум дюжина хаотично разбросанных по полю пожарных машин... Но нет людей... Где все люди?”, – хотела бы я об этом не думать, но не могла. Ни единой души там, где

действительно должно было быть массовое скопление душ. Живых и неживых. Но ни тех, ни других здесь не наблюдалось.

Осторожно взявшись за край лежащего на проезжей части куска железа и убедившись в том, что его температура меня не обожжёт, я сразу же поняла, что это будет сложно, но неосознанно приободрилась от мысли о том, что, по-видимому, поставленная передо мной задача всё же не невозможна. Объехать обломок по обочине точно не получится – здесь она вся засыпана осколками, способными порезать шины в ошмётки, – но если отодвинуть в сторону этот кусок...

Я сдвинула его не меньше чем на десять сантиметров – необходим был минимум метр – когда дверь автомобиля хлопнула. Обернувшись не без испуга – мысль о том, что кто-то из детей что-то заметил, мгновенно зазвенела в ушах колокольным боем, – я увидела Тристана и с облегчением выдохнула, хотя на ходу и начинала злиться даже несмотря на то, что я изначально понимала, что в итоге парень себя именно так и поведёт.

– Я ведь сказала ждать в машине, – сквозь сжатые зубы выдавила я, не прекращая по сантиметру сдвигать железо в необходимую мне сторону.

– Одна ты не справишься... – вовремя словив на себе мой недовольный взгляд, парень решил поспешить исправиться. – Ну или справишься, только времени потратишь больше, чем если я тебе помогу.

С этими словами он взялся за осколок справа от того места, за которое его держала я, после чего железо неожиданно быстро, с откровенно неприятным для перепонок скрежетом начало царапать асфальт по направлению к обочине. Спустя минуту непрерывного толкания вперёд чего-то, что ещё совсем недавно было частью русского самолёта, мы остановились, и я оценила ширину открывшегося проезда.

– Пролезем, – упершись руками в бока и тяжело дыша, удовлетворённым тоном констатировала я.

Без помощи Тристана я бы и вправду не справилась с этим железом даже за десять минут. Парень действительно очень сильно помог в поспешном решении этого вопроса – неужели в нём действительно так много силы? – но я не хотела

этого признавать вслух, чтобы случайно не вызвать нежелательное эхо в будущем: ослушался один раз и в итоге противодействие мне было одобрено мной же, значит можно повторить непослушание во второй раз. Нет, лучше промолчать, чем лишний раз похвалить.

Не успела я додумать мудрую мысль о дозировке похвалы, как Тристан решительно доказал мне правдивость моих доводов, ко всему прочему на будущее остерегая меня хвалить людей даже мысленно.

Сначала я услышала отчётливо и громко произнесённое слово: “Помогите!”, – и только после увидела человеческую руку, торчащую из-под кучи обломков того, что когда-то было самолётом.

– Там человек! – вскрикнул Тристан, и в этот же момент я упустила его. Я не успела отреагировать, а ведь должна была ещё до того, как парень успел бы произнести хоть звук, произвести хотя бы малейшее телодвижение.

– Тристан! Стой! – сорвавшись с места, я побежала вслед за мальчишкой, но он, к моему большому удивлению, оказался быстрее меня на малых дистанциях – а ведь меня однажды не смог обогнать олимпийский чемпион, правда он получил своё золото за длинную дистанцию, и всё же... – Тристан! Нет!

– Здесь человек! – Тристан уже держался за обломок, который придавил мужчину. – Он жив!

Не понимая, что делаю и зачем, я почему-то тоже схватилась за этот обломок и начала помогать отталкивать его в сторону. А ведь по-хорошему должна была схватить Тристана и толкать в противоположную сторону его, а не обломок.

Как только мы откинули осколок в сторону, я поняла, что мужчине мы не сможем помочь. Было совершенно очевидно, что у него раздавлены не только ноги, но есть и другие переломы костей, и что он потерял слишком много крови...

– Тристан... – я дёрнула парня за локоть, желая отвести его в сторону, как вдруг мужчина заговорил хриплым голосом человека, находящегося на грани своей обрывающейся жизни.

– Вы меня уже не спасёте... – он говорил достаточно отчётливо, чтобы его слова можно было расслышать через шум, создающийся от бушующего рядом открытого пламени, но его английский был слишком жёстким. Уже только по этому обрывистому и твёрдому говору можно было определить, что этот мужчина русской национальности. – Это всё... Началось... Но ещё можно что-то спасти... Можно попробовать... Остановить...

– Он умирает, Тристан, он бредит... – я снова потянула парня за локоть. – Нам лучше уйти, мы ничего не можем сделать, – мои нервы были на пределе, я едва сдерживалась, чтобы не начать кричать на непокорного подростка.

– Вы можете... – мужчина явно хотел, чтобы мы его выслушали, отчего ситуация становилась лишь ещё более отягощающей. – Блуждающие... Люди, заражённые антарктическим вирусом... Блуждающие...

– Он говорит о каком-то вирусе! – Тристан подошёл к мужчине ближе, вырвав свой локоть из моей руки, отчего я тут же едва не врезала ему, но слова мужчины вновь вспороли горячий воздух неприятным предсмертным хрипом.

– Есть вакцина... Русские успели вывести вакцину из штамма... Самолёт упал потому, что на борту был один заражённый... Одного хватило... Чтобы заразить всех...

А вот это уже заинтересовало меня. Мужчина, по-видимому, владел mnogой и очень полезной информацией:

– Как передаётся вирус? – я сделала пару шагов по направлению к умирающему. – Через кровь? Через воздух?! Как заражаются люди?!..

– Через... Яд...

– Яд?! – такого ответа я не ожидала. Люди не кобры – у них нет яда! Видимо, он всё же начал бредить. Так неудобно – на самом нужном моменте...

– Зубы... Слюна... Всё равно, что яд... В слюне выделяется яд... Бактерии... Не давайте им себя кусать...

“Я не укушена!”, – мгновенно взорвалось ликующей вспышкой моё сознание. – “Я не укушена, а значит – не заражена! Я определённо точно не укушена!”.

– Заберите это... – мужчина указал едва подвижной рукой на миниатюрный стальной чемодан, лежащий справа от него на неестественно зелёной, для развернувшейся трагической сцены, траве. – Одно... Самое важное... Нужно... Только в сердце... Прямо в сердце... Не в руку, никуда... Никуда больше.... Нельзя... Только... В... Сердце... Сердце... Пароль... Металлический... Ген... Металлическ... Ийген...

Пароль мужчина произнёс на русском языке. Второй раз он не успел повторить труднопроизносимое слово до конца. Я запомнила лишь звуки, лишь транскрипцию русского слова. Этого может стать недостаточным, но для чего это вообще сказано, зачем мне это запоминать? И всё же подсознание мысленно записало транскрипцию: м'италл'ич'иск'ий' г'эн. Несуразица, на произношение которой мужчина предпочёл отвести последние секунды своей жизни... Это должно было быть чем-то крайне важным для него. Но почему это может быть важным для меня? Да не почему!

– Он русский, – Тристан сразу же схватился за чемоданчик. – Он сказал, что русские вывели вакцину.

– Не сходи с ума! – моё терпение весело на миллиметровом волоске. Я злилась, а злость, как известно, противник здравомыслия. Скорее всего нам и вправду можно или нужно было взять этот чемоданчик, но в данный момент я всецело была сосредоточена на своих эмоциях. – Русские, может быть, что-то и знают о вирусе, но они не отправили бы почтальона с вакцинами в... Куда они там летели? На край света?! Они бы оставили вакцину при себе, чтобы прививать её своим людям! В чемодане, скорее всего, какие-нибудь правительственные документы...

– И всё равно его нужно забрать...

– Бери! – Очевидно, моему терпению пришёл давно уже ожидаемый конец. – Бери всё что хочешь: чемодан, обломок самолёта, кусок этого человека, хочешь – бери его ногу, только больше ни на шаг от меня не отходи, понял?! Немедленно возвращаемся...

Я так и застыла с открытым ртом посреди охваченного огнём поля.

Наконец я заметила, что всё это время мы здесь были не одни.

За нами всё это время наблюдало как минимум две пары глаз, такие, какие бывают у дохлых рыб.

Они не только следили за нами – они видели в нас цель, они хотели до нас добраться, жаждали настигнуть нас... Нас разделяло расстояние не больше чем в четыре метра. Всё это время мы стояли всего в четырёх метрах от гибели.

И вот мы встретились взглядами.

Глава 11.

– Мистер и миссис Олсен... – ошарашено процедил Тристан.

Парень узнал своих соседей पहले меня, хотя именно я не более часа назад видела Освальда Олсена выходящим из его дома и даже общалась с ним. Именно этот старик рассказал мне и Барнабасу Литтлу о крушении русского самолёта. Именно он сейчас со своей женой Фреей, прибывшей на место крушения в качестве медсестры, шипели на нас сквозь мутное, покрывшееся сетью опасных трещин лобовое стекло известного мне Chevrolet.

– Тристан... – я попятилась назад, всем своим существом ощущая предельную близость смертельной опасности. – Тристан, назад. Они в любой момент могут выдавить стекло до конца... – договаривала свои небезосновательные опасения я уже на бегу.

Как только мы ударились в бег, за нашими спинами отчётливо зазвенело стекло.

На сей раз я оказалась быстрее Тристана. Очутившись у машины на пару секунд पहले него, я обернулась и поняла, что на сей раз нас пронесло: хотя те, кто в прошлом были четой Олсен, и выбили лобовое стекло, они всё ещё продолжали

биться в агонии внутри своей машины. Мы убежали, но лишь потому, что нас не догоняли. Однако события могли развернуться и по-иному – если бы они действительно за нами погнались, если бы они не оказались запертыми в машине...

Сев за руль, не дожидаясь, пока Тристан закроет свою дверь, я до упора вжала в пол педаль газа. Набирая скорость на фоне поля горящих обломков, я пыталась отмахнуться от назойливо вырисовывающихся перед глазами, безжалостно ярких картин: только что прямо передо мной скончался совершенно незнакомый мне мужчина, не получивший в последние секунды своей жизни ни ноты сочувствия в голосе или взгляде с моей стороны – лишь растерянность и безотчётный страх; только что я лицезрела участь замечательной пожилой пары, ещё сутки назад распивавшей вино в своём сказочно обустроенном палисаднике. Я никак не могла отмахнуться от этих жутких картин, от того, что они – состоявшаяся реальность. Я даже не заметила того, что прорвала бампером одну из ограничительных лент, перекрывающих проезд в сторону города. Осознание того, что только что увиденное мной навсегда останется со мной, сколько бы этого “навсегда” в моём лимите не осталось, накрыло меня с головой. Но злилась я не из-за того, что прошлого не изменить. Как ни странно, но больше расстроена я была не из-за увиденного, а из-за того, что вполне могла избежать этого, просто не увидеть, если бы только не...

– О чём ты думал?! Тристан, скажи мне, о чём ты думал?!

Я всегда была сдержанным, возможно в какой-то мере даже хладнокровным человеком. Даже в максимально стрессовых ситуациях. Даже когда прыгала в первый и последний раз в своей жизни с парашютом, потерялась на Аляске во время ливня и в итоге всю ночь провела под какими-то корягами, обтянутыми брезентом, однажды не успела на судьбоносный, как мне тогда казалось, самолёт, когда потеряла билеты на любимый рок-фестиваль, когда потеряла туриста в горах, когда рвала отношения с Гарднером и после... Я всегда была сдержанным, в какой-то мере даже хладнокровным человеком. Поэтому я могла ожидать от себя многого – да чего угодно! – но только не крика. И всё же я именно кричала.

– У меня сработал инстинкт... – оборонительно скрестил руки на груди парень. – Так бы поступил любой человек...

– Не любой, понятно?! Не в подобной ситуации! Вокруг нас заражённые, а ты мчишься на помощь по первому зову! Вдруг этот человек тоже оказался бы заражённым?! Вдруг Олсены не были бы заблокированы в своей машине?! Вдруг там рядом с нами были ещё заражённые?! Прямо за тем обломком, из-под которого торчал тот русский!

– Я же говорю, это был мгновенный порыв! Безотчётливый импульс! Инстинкт, если хочешь!

– Засеки себе на носу, мальчишка: единственный инстинкт, который у тебя сейчас должен функционировать – это инстинкт самосохранения! Если тебе плевать на себя, это ещё не значит, что ты должен плевать на тех, кто находится рядом с тобой!

– Да не плевать мне на себя! И на тех кто рядом! – парень явно не хотел ссоры и пытался сдать на попятную, но я уже не могла себе позволить отпустить его без боя.

– Seriously?! И почему же я тогда стояла рядом с тобой?!

– Это был твой выбор!

– Это был твой – слышишь?! – ТВОЙ выбор! И я оказалась там только потому, что тебя передёрнуло!

– Я ведь уже сказал, что всё вышло случайно! Прости! Ты хочешь добиться от меня прощения?! Прости же!

– Я хочу, чтобы ты мне здесь и сейчас сказал, что больше такого не повторится!

– Окей, больше такого не повторится...

– И держи своё обещание!

– Попытаюсь...

– Ты меня не услышал?! Мне нужно, чтобы ты держал своё слово! Только что ты сказал, что больше такого не повторится...

– Я не могу вот так вот сразу!!! – на сей раз сорвался на громкий крик парень. – Я такой по своей сути: если из горящего дома или из водоёма кишашего пираньями раздастся крик о помощи – я брошусь туда, понятно?! Брошусь и только потом подумаю об огне и о пираньях! Потому что я такой! По щелчку себя не выключишь...

– Идиот, – уничижительно фыркнула я совершенно спокойным тоном, подчёркнуто разочарованной интонацией, чем моментально разгромила мальчишку. Поникнув, он отвернулся к окну, и, спустя пятнадцать секунд молчания, утверждающих мою победу, я продолжила стальным, неприкрыто лидерском тоном, не допускающим противодействия. – Во-первых, Тристан не должен был бежать к тому русскому, а ты, Спиро, не должен был открывать дверь машины, когда я бежала с Клэр в руках. Это неправильные поступки. Во-вторых, я здесь главная: я веду машину, я её останавливаю, я говорю, что и как делать. Вы все слушаетесь меня.

– Иначе что? – с заднего сиденья раздался голос Спиро. Было совершенно очевидно, что он пытается замять ситуацию, но не знает, с какого бока лучше подобраться, поэтому, не сориентировавшись из-за лёгкого испуга и недостатка времени, он остановился на варианте с неудачно подобранным вопросом, зато произнёс он его покладистой интонацией.

– Иначе я каждому из вас переломаю ноги, чтобы не дёргались со своих мест. Думаю, я выражаюсь сейчас максимально ясно, – жёстко и одновременно отстранённо ответила я.

Общение в подобном тоне с людьми для меня зачастую являлось нормой, но племянников такого рода козырями в своих рукавах я ещё никогда не оглушала. Настойчивых мужчин, откровенно глупых туристов, просто знакомых и даже друзей я могла в одну секунду, как по щелчку, поставить на место, но в общении с родными я не позволяла себе подобных слов и интонаций, считая, что какой бы ни была ситуация, родные люди не заслуживают от меня того страшного холода, на который, как выяснилось сразу после моего попадания во “взрослый мир”, я способна. Видимо, только что что-то изменилось в моём понимании “заслуженности и незаслуженности”. Всего за считанные минуты... Я где-то слышала, что борьба за жизнь – реальная, а не что-то наподобие пейнтбола –

зачастую открывает в человеческом нутре новые грани. Что ж, осознание того, что я борюсь за свою и не только за свою жизнь, пока ещё не открыло во мне ничего нового – лишь оголила старое.

Я задумалась над этой мыслью, но ненадолго – мне без предупреждения вдруг пугающе громогласно напомнили, что в машине находится не только моя семья, но и совершенно посторонний мне человек, который меня не знает и не понимает ни моего поведения, ни характера в принципе. Детский плач вспорол воздух так резко, что я даже принажала педаль тормоза от неожиданности.

Надо же, срываясь на племянников, я совершенно не подумала о слышащей каждое моё слово девочке... И, как вскоре выяснилось, очень даже зря я этого не сделала. Рёв поднялся такой мощи и продолжительности, что, кажется, спустя десять минут непрерывной детской истерики у меня начало закладывать уши. И подниматься чудовищное по своей сути и реальности желание высадить истеричного ребёнка на какой-нибудь автобусной остановке.

И о чём я только думала, беря чужого ребёнка с собой?..

Ах да... Я думала о том, что намеренно задавила её мать.

Сначала я пыталась задобрить девочку словами о том, что я пошутила, сказав, что сломаю им всем ноги, если они не будут меня слушаться, и что у меня всё очень-очень-очень плохо с юмором, но это почти не помогло, и тогда за дело взялся Тристан, начавший кормить разнервничавшегося ребёнка обманчивыми обещаниями покатать её на своём скейтборде, который ей всегда очень нравился... В итоге спасли наши перепонки от кровотечения действия Спиро. Отстегнув ремень безопасности Клэр, он посадил её к себе на колени и начал гладить по голове. Сначала я хотела оборвать это действие, напомнить сразу всем, что пристегнутый ремень – это правило, которое нельзя игнорировать даже сорвиголовам, однако, поняв, что девочка действительно мгновенно начала замолкать на руках мальчишки, я прикусила щеку изнутри, решив просто стараться ехать аккуратнее. В конце концов, лишаться слуха из-за соблюдения правил безопасности, мне не хотелось. Да и кому бы вообще хотелось?

Детская истерика красноречиво объяснила мне: нужно учитывать не только ситуацию, но и психологию. Пусть я об этом пока ещё только начинаю

догадываться, со временем я определённо точно пойму, что спастись одной и спастись с кем-то, особенно если этих “кого-то” не один, а несколько, особенно если эти “кто-то” поголовно дети – это два совершенно разных способа выживания. Два совершенно неравновесных шанса на выживание. Два пути, один из которых – тупик.

Глава 12.

До Осло было менее часа езды, но нам необходимо было держаться в стороне от любых городов, в особенности от перенаселённых столиц. Альтернативный маршрут, учитывающий объезд максимального количества населённых пунктов, был на двадцать минут дольше кратчайшего, но подобные временные “издержки” казались мне малой жертвой – два года назад, во время путешествия по Китаю, один мой альтернативный маршрут занял на сутки больше изначально запланированного времени. Так что двадцать минут в моём понимании не выглядели критической цифрой. Во всяком случае, могло быть и хуже, и дольше... Например, если бы мы сейчас пересекали какую-нибудь Мавританию, а не Норвегию – страну с практически идеальной сетью асфальтированных дорог.

Сначала всё было “вроде как нормально”: мы ехали по пустынной дороге из Грюннстайна, с непозволительной скоростью в сто двадцать километров в час проносились мимо убранных и неубранных придорожных полей, как вдруг, менее чем через полчаса, на дороге помимо нас начали появляться ещё машины. Они, в отличие от нас, совершенно никуда не торопились, а одна из них даже совершенно спокойно направлялась в сторону города, из которого я мчалась на всех парах. Когда мы проехали мимо небольшой деревушки, в которой люди невозмутимо прохаживались по центральной улице – кто-то выходил из бакалейной лавки, кто-то вёл ребёнка за руку, кто-то заряжал свой электрокар – до меня стало доходить, что здесь что-то не так.

– Включи радио, – приглушённым тоном обратилась я к Тристану, насилующему свой мобильный настойчивыми попытками поймать сотовую или интернет-связь, чтобы наконец связаться с Рэймондом и Кармелитой. Ещё было бы неплохо поговорить с моими родителями...

Судорожные всхлипы Клэр, раздающиеся прямо позади меня, ситуацию ничуть не разряжали. Посмотрев в зеркало заднего вида на зарёванное лицо совсем недавно утихомирившейся девочки, лежащей своей прелестной белокурой головкой на промокнутой от слёз груди Спиро, я сжато выдохнула, стараясь не морщиться от помех, льющих из колонок.

Центральное радио не работало, как и пять основных норвежских волн, как и три основные волны союзных государств, привычно всегда ловящих практически в любой точке Союза, даже в самой отдалённой от цивилизации. Однако, как ни странно, нам в итоге удалось словить пару незнакомых мне волн с попсовой и классической музыкой. Обе волны потоками, одну за одной выдавали только музыку и ничего больше: никакой сводки о происходящем в мире, никаких правительственных предупреждений, просьб и предписаний – ничего.

Увидев в очередном провинциальном городке мужчину, выбежавшего на утреннюю пробежку в компании с немецкой овчаркой, на меня накатило неожиданно резкое, болезненно острое понимание: люди не проинформированы. Но почему?! Правительства если не всех, тогда хотя бы развитых стран должны знать о том, что на самом деле происходит в Америке и в России. Главы государств должны были уже давно понять, откуда дует ветер и что с собой он несёт, должны были предупредить людей, объявить карантин... Норвежцы не подготовлены. Позже я пойму, что на самом деле к случившемуся было не подготовлено всё человечество, но сейчас я видела только норвежцев и Норвегию. Я видела абсолютную незащищенность. Видела уже начавшийся крах...

– Они ничего не знают... – обеспокоенно произнёс Тристан, смотрящий на проезжающий мимо городской автобус.

– А с учётом отсутствия мобильной связи и интернета, узнают слишком поздно, – отозвалась я.

– Их нужно предупредить, – подал голос Спиро.

– Разве? – произнесла я с иронией, о которой сразу же пожалела, но уже было поздно идти на попятную – парень уже правильно понял смысловую нагрузку моей честной интонации. – И что же ты предлагаешь? Встать посреди дороги и кричать об апокалипсисе? Как та сумасшедшая предсказательница из

Аргентины?

Месяц назад в Аргентине совершила обряд самосожжения некая известная предсказательница будущего, перед этим пообещав человечеству вымирание. Именно вымирание – это слово она использовала за секунду до того, как поднести спичку к своей облитой керосином одежде в онлайн-режиме на популярном видеоресурсе, на котором она вела многомиллионный блог. Женщине было пятьдесят два года, её знало полмира, пока она не сделала то, что сделала, после чего о ней узнала и та половина мира, которая до тех пор не подозревала о её существовании. Кто-то счёл женщину сумасшедшей, кто-то начал говорить, что она поступила так потому, что грядущая трагедия человечества показалась ей страшнее, чем тот ужасный способ самоубийства, который она для себя избрала. Для меня же это казалось всего лишь очередной интернет-истерией. До этого самого момента, пока в разговоре со Спиро я вдруг не вспомнила историю той посмертной знаменитости в сфере спиритизма.

– Мы могли бы предупредить хотя бы кого-нибудь... – не сдавался мальчик.

– Наша цель – добраться до моих родителей целыми и невредимыми. На остальное у нас нет времени, – я ничего не могла с собой поделать – все те манеры поведения, которые до сих пор плескались на поверхности океана моих отношений с племянниками, вдруг потонули под толщей хладнокровия, словно исчерпавшие себя ледники. Парни, наверное, были в лёгком шоке от моего цинизма, но, простите, я сама была в глубочайшем шоке от того, что пережила этим утром, от осознания того, что я оказалась способной намеренно переехать и даже покататься взад-вперёд по человеку – не человеку! она уже не была человеком!.. а вдруг её ещё можно было спасти?!.. вдруг можно было вылечить?!.. – и оказалась способной даже нож в глотку всадить тому, с кем менее чем за час перед этим улыбалась и попивала латте, наслаждаясь ароматом выпечки его жены, той самой, которую я...

Я встряхнула головой, чтобы вытрясти из её нутра мысли, способные, как я ощущала, довести меня до состояния потрясения, а состояние потрясения – это слишком опасно, сродни приговору...

Неосознанно я в который раз за прошедшее утро скользнула взглядом по цифрам, отображающимся на приборной панели и ободряюще сообщаящим о том, что бак автомобиля заполнен до предела. Даже с облегчением и одновременным ужасом поняв, что в остальной Норвегии, не являющейся

Грюннштайном, очевидно, всё тихо-спокойно, я не хотела останавливаться ни на секунду, особенно из-за проблем вроде проколотого колеса или необходимости дозаправки. О еде я пока даже не задумывалась. Зато мысль о возможности заражения всё ещё не выветривалась из моей головы, хотя мне немного и полегчало после того, что сказал тот умирающий русский. Во-первых, меня действительно никто не кусал, во-вторых, меня больше не тошнило и я даже вдруг начала чувствовать себя очень бодрой, словно дешёвым адреналином накачалась, вроде разливного пива, а в-третьих, тот факт, что заражённым Барнабаса я увидела где-то спустя полчаса после нашей последней встречи, может говорить о том, что вирус распространяется в человеческом организме очень быстро. То есть получаса более чем достаточно. Я же контактировала с Барнабасом где-то примерно... Тридцать пять – сорок пять минут назад. Вывод? Вывод: я всё-таки не заражена. Ух... Можно выдохнуть... Да, наверное, действительно можно выдохнуть.

– Сеть ни у кого так и не словила? – пытаюсь разрядиться, решила немного и непринуждённо поболтать я.

– Нет, – отозвался Тристан, у меня на глазах последние минут пятнадцать терзающий свой телефон. Ответив мне, он сразу же раздражённо забросил не поддающийся никаким уговорам о сотрудничестве агрегат в бардачок.

– У меня тоже ничего, – откликнулся Спиро. – Послушайте, судя по общему настроению людей, которых мы видели в других городах, всё не так страшно и такое происходит только в Грюннштайне.

– Скорее всего... – отозвалась я, совершенно не вникая в слова племянника, но Тристан оборвал меня.

– Давайте без наивности, ладно? Что-то точно произошло. И не в одном только Грюннштайне. Может быть в Грюннштайне и началось всё из-за того рухнувшего русского самолёта, может быть местные бросились помогать выжившим, а среди выживших оказались заражённые, от которых прибывшие на место крушения люди и заразились, а потом ринулись в город, но... Сотовой связи и интернета, что совершенно очевидно, нет во всей стране. Даже радио пропало. Это неспроста. Что-то серьёзное не просто надвигается, а уже случилось. Вот почему власти молчат: потому что, скорее всего, уже поздно что-либо говорить.

Ничего себе. А у Тристана, оказывается, за прошедший год развилась не только мускулатура, но и аналитическое мышление пошло в рост. Как это называется? Взросление?

Однако он своей речью нагнал страха, даже на меня. А я ведь только начала расслабляться, и на тебе, прилетело по голове обухом с той стороны, с которой не ожидала – Тристан повзрослел.

– Всё будет в порядке, – сжато выдохнула я, всё ещё не теряя надежды хотя бы немного разрядиться. – Пока в стране в целом всё в порядке, насколько мы видели...

– А что вы говорили про какого-то русского и про Олсенов? – отозвался Спиро. – Я так и не понял: вы кого-то видели там, у обломков самолёта?

Нет, это невозможно! О каком релаксе, успокоении и каких попытках сосредоточиться может идти речь?! В подобной компании подобное в принципе невозможно! Чувствую, они меня доконают за те уже шесть часов, которые нам остаются до пункта назначения – мы только что съехали с объездной дороги, огибающую Осло.

– Да, был там один русский, но ему уже нельзя было помочь. Кстати, – быстро сориентировалась я, решив замять ещё не поднявшуюся пыль подробностей, – что там с тем чемоданом русского?

Тристан потянулся за лежащим у него под ногами металлическим чемоданчиком:

– Он, наверное, на замке. Не открывается.

– Да? А вот это вот что... – потянувшись к кейсу, я нажала на скрытую на его торце кнопку с нарисованным на ней изображением замка. Крышка чемодана мгновенно щёлкнула.

– Я думал, он... – Тристан замер с открытым ртом. – Мужчина называл русский пароль. Как же то слово? Металическигэн?

– Металлически ген... Кажется, что-то такое. Так что там? – сбавив скорость с сотни до семидесяти километров в час, я заглянула в чемодан.

– Да ничего особенного... Паспорт и какая-то бумажка на русском языке.

– Дай сюда, – я забрала из его рук паспорт и, не отрывая рук от руля, заглянула сразу на последнюю страницу. – Lebedev Gerasim Davidovich, – без запинок, но явно с неправильным произношением прочла я латинские буквы, сложенные в мужское русское имя. – Две тысячи сорок шестого года рождения. Прописка в городе Коцтрома... Или у русских “си” произносится как “эс”? – вопросительно посмотрела на рядом сидящего Тристана я.

– Я знаю только испанский, и-то исключительно по школьной программе. Это ты у нас полиглот.

Я отбросила паспорт назад в раскрытый чемодан.

– Русский я не знаю. Только шведский, норвежский, финский, английский, французский, немецкий и немного эстонский. Так что русские бумаги нам не прочесть. По крайней мере до тех пор, пока не возобновится интернет-связь.

– Если возобновится, – мгновенно заметил Тристан.

– Не пессимизди, – сразу же оборвала я.

– Да, прости, – парень покосился назад, где сидели младшие дети. – Всё будет хорошо. У нас всё под контролем, – словно самому себе, но явно для всеобщего услышания, оттарабанил мою установку он.

– А что это? – я кивнула на литой металлический слиток, лежащий под бумагой и паспортом, размером с большую фляжку, о чём я сразу же и выразила мнение. – Похоже на фляжку.

– Нет, это не фляжка. Это что-то покрупнее... – парень начал ворочать кусок металла в своей руке. – Что-то цельное... Здесь явно нет никакой крышки. Как будто обычный кусок металла... Очень похоже на переносной сейф с встроенным мини-дисплеем.

Я посмотрела на навигатор, ведущий нас по офлайн-карте. До границы со Швецией нам оставалось всего полтора часа. И чем меньше времени оставалось, чем ближе мы подъезжали, тем отчётливее внутри меня нарастало необъяснимое беспокойство. Я пыталась понять, откуда это переживание, но никак не могла себе объяснить то, что я называла дурным предчувствием. Всё ведь должно пройти хорошо, то есть стандартно: границы между Норвегией и Швецией как таковой не существует, мне просто нужно будет заплатить пошлину при помощи электронной системы, шлагбаум откроется и мы проедем на территорию союзного государства. Всё совершенно стандартно... Но моё предчувствие ошестинивалось, с каждой оставленной за спиной милей всё больше и больше вставая на дыбы.

...Что же может пойти не так?

Глава 13.

Пограничный досмотр.

На моей памяти на границах союзных государств такого не случалось никогда. Даже в тот год, когда террористическая организация Дорожных Пиратов навела страх в Центральной Европе. И здесь вдруг...

– Ваши паспорта, – коротко стриженный, загорелый, рослый и мускулистый военный лет сорока заглядывал в салон нашей машины через моё опущенное окно.

– Тристан, передай мне наши паспорта, – не отрывая взгляда от строгого вида военного, попросила я. – А что случилось, что на границе выставили военных?

– Ничего серьёзного, – доброжелательно, но не теряя военной выправки даже в голосе, ответил собеседник. – Обычные учения. Подскажите, какова цель Вашего отбытия в Швецию?

– У меня родители живут в Швеции. Мы едем их навестить.

– Не вовремя вы.

– Почему же? – заинтересованно заглянула в голубые глаза мужчины я.

– Возможно к вечеру границы будут полностью закрыты. Могут возникнуть проблемы с въездом назад на территорию Норвегии. Подумайте хорошенько, действительно ли Вы хотите сейчас покидать страну.

– Оу... Нет, мы уверены, – поджав губы в вежливой улыбке, я протянула три паспорта через опущенное окно.

Раскрыв паспорта, военный начал по очереди смотреть сначала в них, потом на нас.

– Теона Тейт, Тристан Диес и... – он заглянул на заднее сиденье. – Спиро Тейт. Вы что, молодая мать?

– Нет, что Вы, это мои племянники.

– А почему же Ваши младшие племянники находятся в автомобиле без оборудованных детских кресел?

– Мне уже есть двенадцать, – отозвался Спиро, – мне уже можно ездить без детского сиденья.

– Что ж, молодой человек, – военный ещё раз посмотрел в паспорт Спиро, – возможно Вам и есть двенадцать, но Вашей соседке явно меньше... Где паспорт девочки?

К моему горлу резко подступил нервный ком.

– У девочки нет заграничного паспорта. Не видели необходимости его делать...

– Вот как?

– Сами понимаете, в паспорте ведь нет необходимости для пересечения границ союзных государств.

– Верно. А девочка тоже Ваша?

– Естественно, – попыталась как можно более правдоподобно улыбнуться я, и у меня определённо точно получилась улыбнуться не только правдоподобно, но и обворожительно.

– Просто девочка совсем не похожа на Вас, – смягчившись, улыбнулся в ответ военный. – Вы все брюнеты, а она блондиночка.

– Просто у нас разные отцы, – неожиданно отозвался Тристан. – Мать повторно вышла замуж, сами понимаете, как это бывает.

– Хорошо. Ждите, – только и произнёс военный, после чего, вместе с нашими паспортами, ушёл в пограничное здание, прежде никогда не функционирующее, а теперь вдруг битком набитое людьми в военной форме.

Закрыв своё окно, я сжато выдохнула и встретила взглядом с Тристаном:

– Молодец, хорошо сработал.

– Да без проблем.

– Главное, чтобы Клэр молчала. Клэр, ты слышишь? – я обернулась к сидящей на заднем сиденье девочке. – Не разговаривай ни с кем, договорились? Если этот дядя будет спрашивать у тебя что-нибудь, просто молчи, хорошо? – я погладила девочку по белоснежной ножке.

– А почему вы сказали, что я ваша? – в детских глазах плескалось явное подозрение.

– Ну ты же и правда наша, – мило заулыбался Спиро, притянув девочку к себе за плечи. – Мы ведь соседи.

– Да, но... – девочка откровенно начинала подозревать.

– Послушай, давай сделаем так, – решила снова перевести внимание ребёнка на себя я, невольно слыша, как беспокойно колотится моё сердце. – Этому дяде ты ничего не говори, чтобы он нас пропустил, хорошо? Потому что если он нас не пропустит, мы не успеем вовремя вернуться домой, а ты ведь хочешь домой?

– Хочу.

– Вот и замечательно.

– А вовлемя, это когда? Уже сколо? Я хочу вовлемя велнуться домой.

– Уже скоро, Клэр. Как только этот дядя пропустит нас, мы сразу же поедем домой, хорошо? Поэтому если тебя спросят, чья ты, ответь... – Если бы я попросила девочку соврать по поводу того, что я её тётя, она могла бы не только укрепить свои подозрения, но даже испугаться. – Скажи, что ты сестрёнка Спиро, хорошо? Сыграем в такую игру, как будто мы все одна семья.

– Да, Клэр, давай поиграем, – дрожащим голосом обратился к девочке Спиро. Только услышав это дрожание, я заметила, как сильно мальчик переживает. Кажется, даже сильнее меня.

– Ладно, – насупилась девочка, опустив глаза и надув губы.

– Вот и хорошо, – выдохнула я и повернулась обратно к рулю, и сразу же заметила нашего военного. Он возвращался к нашей машине. Я опустила окно.

– Прошу вас проехать на первую полосу.

– Что? Но мы ведь стоим у шлагбаума, мы можем проехать и через него... Всё в порядке?

– Прошу Вас, подъедьте на первую полосу, – уже развернувшись, мужчина указал на первую полосу, свободную от машин. Он больше не слушал меня – он ждал, когда его послушаюсь я.

Не поднимая окна, я сдала назад и начала выворачивать руль, всем своим нутром чувствуя, что что-то начинает идти не так.

– Ничего себе! – ахнул Спиро. – Посмотрите какая очередь за нами! Я столько машин ещё никогда не видел.

И вправду, за считанные минуты за нами выстроилась шеренга не менее чем из сотни автомобилей. Когда мы подъехали к границе, перед нами на нашей полосе стояло всего четырнадцать автомобилей, но пока очередь дошла до нас, очередь позади нас резко выросла. Все семь полос, кроме первой, на которую нас пригласил военный, были забиты до отказа – по-видимому, здесь образуется многочасовая пробка. А это значит, что мы вовремя добрались сюда, оказавшись почти в самом начале очереди, но что же могло пойти не так?.. Клэр... Это точно Клэр. А если они начнут осмотр автомобиля? Я ведь не везу ничего противозаконного? Вроде как нет... Разве что большую сумму наличных, тех, что взяла из заначки Рэймонда, но прежде во время путешествия по союзным государствам регистрировать валюту не было необходимости. Что ещё, кроме Клэр и наличных?..

Меня вдруг словно током ударило – чемодан русского! Откуда у нас мог взяться чемодан русского человека, с его паспортом и документами?.. Что именно написано в тех русских бумагах? Вдруг они правительственные? Вдруг это документы особой важности? И что за металлический слиток...

Меня затрясло от осознания того, что сейчас может произойти. Если в том чемодане что-то важное, они скоро узнают и об этом, и про Клэр, и что тогда? Я ведь пытаюсь вывезти из страны постороннего мне ребёнка, плюс этот дурацкий чемодан... Его нужно было выкинуть! Нет, его вообще нельзя было брать! Я что, контрабандист?! Что за подобное может быть?!

Я наконец вырулила на первую полосу и остановилась напротив военного, прямо перед опущенным шлагбаумом.

– Всё в порядке? – повторила свой вопрос я, на сей раз не сумев спрятать напряжения в голосе.

– Надеюсь, что ничего страшного, – явно не собираясь отдавать мне паспорта, накрепко зажатые в сильно загоревших руках, мужчина пристально смотрел на

меня. – У вас кровь на бампере и серьёзная вмятина.

Что?! Что он сказал?! Кровь на бампере и серьёзная вмятина?!

С этой стороны я не ожидала прилёта неприятностей... Я даже не догадывалась о состоянии нашего бампера, даже не задумывалась... Хотя было бы логичным об этом подумать, но только будь я в стандартной ситуации, а я в таковой не была! Я спасалась от... Сама не знаю от чего я спасалась, но спасалась определённо точно!

– Ах это... – я неестественно широко заулыбалась. – Мы сбили собаку, – я резко перестала улыбаться, решив, что при таких словах улыбка неуместна. – Бедняга, она, видимо, была бездомной... – встретившись с собеседником взглядом, я запнулась. Неужели он знает?! Неужели знает?! – Неприятная ситуация, – через силу заставила себя выдать заключительные слова я.

– Животные на дорогах – это всегда неприятно, – не переставал усердно хмуриться мужчина. – Однако у меня для вас есть ещё более неприятные новости. К сожалению, Вы не можете покинуть территорию Норвегии.

– Как же не можем? – на сей раз сдвинула брови я, наблюдая за тем, как с соседней полосы, с той, на которой ещё минуту назад стояли мы, стартует через поднятый шлагбаум красный минивэн, битком набитый подростками. – Граница ведь ещё не закрыта, верно? Людей пропускают, – я взмахнула рукой в сторону уезжающего минивэна.

– Во-первых, мы Вас отсюда в принципе не отпустим, пока Вы не купите в маркете кресло для перевозки ребёнка, – мужчина кивнул в сторону автомобильного мини-маркета, больше подходящего на нефункционирующую лавку. – А во-вторых, границу Вы всё равно не пересечёте.

– Почему же не...

– Потому что у Вашей племянницы нет паспорта. Новый закон: без паспорта за границу Норвегии не пропускаем. И без разрешения официальных опекунов детей Вы тоже не сможете провезти их на территорию другого государства.

– И что же это за закон такой? – протянув руку через открытое окно, я жестом попросила вернуть мне паспорта. – И когда его утвердили?

– Этим утром, – жёстко отчеканил мужчина. – Возьмите свои паспорта, отъезды в сторону, чтобы не мешать проезжающим, купите детское кресло и поезжайте назад. Хорошего Вам пути, – мимолётно коснувшись козырька своей кепки, отчеканил военный, явно растеряв по отношению к нам всяческий интерес и дружелюбие.

– Послушайте, мне необходимо попасть в Швецию, – не желала сдаваться я. – У меня там старики и...

– Девушка, я наблюдаю за тем, как Вы сейчас же подъезжаете к маркету и через минуту выходите из него с детским креслом – Вам понятно? Скажите спасибо, что я не оштрафовал Вас за грубое нарушение общих правил безопасности перевозки несовершеннолетних.

Я заткнулась. Внезапно вспомнив о том, что помимо детей и русского чемодана неизвестного происхождения я ещё и домашнее животное пытаюсь перевести через границу в корзинке из-под кексов, без всякой специально предусмотренной и оборудованной для подобных целей переноски.

Поспешно закрыв своё окно, вдруг испугавшись того, что всё это время молчавший котёнок даст о себе знать достаточно громко и отчётливо, чтобы слить ситуацию на самое дно, я вцепилась в руль руками. Вот же она, граница: один шлагбаум, прямо перед моим помятым и испачканным человеческой – или уже не человеческой? – кровью бампером. Потом ещё один шлагбаум: шведский. И всё, я почти достигла своей цели.

Военный нетерпеливо замахал руками, требуя от меня освободить полосу. Тяжело выдохнув, я без энтузиазма начала сдавать назад.

Неужели это и вправду тупик? И что же дальше... В объезд? Не получится, ведь если не пропустили на этой погранзаставе, значит и на другой у меня потребуют паспорт Клэр, и разрешение от её официальных опекунов, и от опекунов Тристана, и Спиро, и заметят помятый, перепачканный бампер... Ладно, куплю это грёбанное детское кресло, а там что-нибудь придумаю...

Прежде чем я успела выстроить план своих дальнейших действий, впереди, у шведского шлагбаума, что-то произошло. Хлопок, но не взрыв, а что-то другое. Я резко затормозила. Все взгляды военных и людей, ожидающих своей очереди, направились вперёд, в сторону шведской границы.

Прямоком с соседнего государства, в сторону норвежской границы, прямо по дороге бежала толпа людей. Именно так я сначала всё восприняла.

– Эй, вы! – военный оглушительно постучал ладонью по капоту нашего автомобиля. – Я сказал: освобождайте полосу!

– Это ведь не люди, – прищурившись и наблюдая за приближающейся к норвежской границе толпой, полушёпотом произнесла я.

У каждого человека в стремительно несущейся в нашу сторону толпе голова была запрокинута, у каждого руки болтались словно тяжёлые плети, каждый из них был словно током ударенный – их волосы стояли дыбом и неестественно торчали в разные стороны.

Военный начал дёргать ручку моей дверцы, надеясь открыть её, но я всю дорогу от Грюннстайна, вернее от обломков русского самолёта, была заблокирована. Позже я буду сомневаться в том, что он хотел нас прогнать, возможно, он хотел сесть в нашу машину... Но зачем тогда он дёргал ручку моей дверцы, а не задней? Хотел выгнать меня из-за руля?.. Я этого никогда не узнаю.

Боковым зрением увидев военных, выбегающих из пограничного здания с оружием наперевес, я поняла, что если я не прорвусь сейчас, тогда, возможно, не прорвусь уже никогда.

Глава 14.

Я не поступила в университет. Не потому, что не могла, а потому, что это не было тем, чего я действительно хотела от своей жизни. Моя мать очень сильно расстроилась из-за моего решения, как раз потому, что я могла позволить себе беспрепятственное поступление в любое высшее учебное заведение, настолько

мои показатели в выпускном классе были высоки, но я этого не желала. Я даже видела, как в те дни она украдкой плакала из-за моей “необъяснимой глупости при столь высоком IQ-показателе”, как она тогда выражалась. И всё равно, как бы сильно она не расстраивалась, при мне она не позволяла себе слёз, за что в те времена она повысила мой коэффициент уважения к ней. Она могла бесконечно совершать попытки поговорить со мной о моём будущем, могла просить меня купить ей очередную порцию вновь быстро закончившегося успокоительного, могла укоризненно смотреть на меня, но никогда не замыкалась и не плакала из-за моего категоричного решения. Она всегда была открыта и всегда была стойкой, что бы кто из её детей не выкинул: переедь Рэймонд в Норвегию или откажись я от университетского будущего – она никогда не отстранялась от нас, даже когда мы совершенно не задумываясь принимали решения, влияющие на её собственную жизнь. Мы спешили жить собственными жизнями, по-своему, и совершенно не задумывались, каково нашим родителям не просто расставаться со своими неожиданно повзрослевшими детьми, но учиться жить по-новому, фактически без ценной, составляющей части созданной ими семьи.

Отец меня поддержал. Сначала он, конечно, был на стороне матери, где-то примерно неделю говорил мне о том, что я должна хорошенько пораскинуть своим способным мозгом, потом он занял нейтральную позицию, а уже в конце последнего семестра моего обучения в старшей школе он вдруг принял мою сторону. Мы с ним тогда находились в гараже, ковырялись в моторе его старого грузового фургона Scania-Vabis, от которого он в те времена никак не хотел избавляться, несмотря на его очевидную кончину.

– Ты действительно этого хочешь, Теона? – забирая из моих рук гаечный ключ на десять, заглянул мне в глаза он. – Ты уверена в том, что при своих способностях ты не хочешь поступать в университет?

– Я уверена в том, что хочу путешествовать. Я хочу просыпаться под звёздным небом, а не в университетском кампусе. Я ведь могу заниматься туризмом и без высшего образования, ты ведь сам это прекрасно знаешь. Так что да, папа, я действительно этого хочу.

Вскоре мой выбор приняла и мама, но только после того, как поняла, что я уже наверняка не отступлюсь от своего решения и что отец уверенно поддерживает мою позицию. Семь лет назад, в первый день июля, отец отдал мне в руки карточку с паролем от счёта, на котором лежала крупная сумма – все те деньги,

которые родители долгие годы откладывали на свою мечту выучить меня в университете. А уже на следующий день отец договорился со своим кузеном, управляющим национальным парком Абиску, чтобы меня приняли в штат работников, естественно на испытательный срок. Мой новый дом ждал меня на другом конце страны, в более чем сутках езды от Хеслехольма. Даже не хочу думать о том, что в первые дни расставания со мной чувствовала мама. В любом случае, рядом с ней всегда был отец, так что они справились.

В Абиску я проработала ровно год. Отказавшись от бумажной волокиты и прочей чепухи вроде сидения на ресепшене, я, естественно в связке с опытными гидами, в качестве волонтера водила экскурсионные группы по ландшафтному заповеднику, часто участвовала в долговременных походах, длящихся неделю-две, но мне хотелось большего. Быть под опекой влиятельного родственника, чувствовать, что находишься на особом счету и из-за переживаний родных лишаться самых вкусных кусков пирога: сплавов на байдарках в каньоне, поднятия в горы, похода по Кунгследе, знаменитой Королевской тропе, начинающейся в Абиску и проложенной через всю шведскую Лапландию. Меня до крайности не устраивали ограничения. Поэтому, взяв от Абиску максимум опыта, я отправилась дальше, решив окончательно и бесповоротно разорвать пуповину опеки, тянущуюся от моей семьи. Так всего лишь в девятнадцать лет я попала в экстремальный туризм. Устроилась на привлекательное место благодаря случайному знакомству с одним из туристов Абиску, оказавшимся главой частной компании экстремального туризма в Финляндии: мы вместе с ним ходили в недельный поход, где я дважды спасла его от укуса клеща и единожды от промокания под дождем (у гидов Абиску всегда предусмотрен один запасной дождевик) – так мы и подружились.

Я снова стала обыкновенным стажером, но уже спустя полгода доросла до уважаемого ранга – я официально была посвящена в гиды. Компания, в которую я перешла, в тот год как раз расширялась, спустя два месяца после моего прихода у неё появился филиал в Швеции, так что новички тогда быстро переходили в ранг гидов и разбрасывались по двум странам. В итоге в Финляндии я пробыла всего восемь месяцев, за которые даже финскую культуру толком не успела выучить, так как постоянно находилась “на маршруте”. Ну и, конечно, когда с получением ранга гида передо мной встал выбор, в какой из двух стран продолжать работать, я выбрала Швецию. Не потому, что эта страна была мне привычнее, как раз по этой причине я бы и осталась в Финляндии, просто уже тогда ко мне начало приходить понимание того, что я начинаю всё чаще скучать по семье, из лона которой так стремительно выпорхнула. Мне хотелось чаще видеть семью, поэтому я и вернулась в Швецию.

Тех денег, которые вручили мне родители, мне хватило на целых три года безбедного существования, а с учётом того, что всё это время я сама получала неплохой гонорар за каждый свой поход и мало тратила по возвращению к цивилизации, финансовая сторона меня долгое время вообще не беспокоила. По сути, благодаря стартовому капиталу, предоставленному мне родителями, я стала такой, какой стала. Успешной.

Вскоре после возвращения в Швецию я начала встречаться с бывшим скалолазом, переквалифицировавшимся в гида горного туризма. Это был мой первый парень, однако кроме секса нас друг в друге практически ничего не интересовало, так что когда наше пребывание в лагере совпадало, мы проводили наше свободное время вместе, порой за выходные растрачивая по две упаковки презервативов. Так продлилось три месяца, а потом он уехал в США на три недели и не вернулся. Занимался скалолазанием в национальном парке Йосемити, сорвался и разбился. Я узнала об этом только спустя двадцать дней со дня трагедии: его родители нашли мой номер телефона в его мобильном, мой контакт был подписан банальным словом “Девушка”. Если бы они не сообщили мне, я бы со временем узнала от коллег – мы работали в одной компании, до которой по-любому дошли бы новости – но сколько бы времени прошло?

Родители разбившегося рассказали мне и про скалолазание в Йосемити, и про парней, которые с ним в тот день поднимались, и про то, что у него остались трое братьев и одна сестра, хотя обо всём этом я не спрашивала... До сих пор я не общалась ни с его родителями, ни с его братьями и сестрой, ни с его окружением вне того, которое составляло наших общих знакомых-коллег. Правда заключалась в том, что мы в принципе-то друг о друге знали только то, что не выходило за пределы постели – остальных аспектов жизни друг друга для нас просто не существовало. Никто из нас не говорил о своих семьях, никто из нас не интересовался любимыми блюдами или любимой музыкой партнёра, никто из нас не планировал общий отпуск. Лишь когда его не стало, я поняла это. Поняла, что на самом деле не любила этого парня, а просто использовала для удовлетворения своих физиологических потребностей. Он, я почти на сто процентов уверена в этом, тоже был со мной по той же причине, но для него это уже было неважным, потому что не меня не стало – не стало его. Поэтому и только поэтому это стало важным для меня – факт того, что я спала с человеком, к которому не испытывала любовных чувств и о котором, в итоге, не могу даже полноценно скорбеть, меня подкосил. Я почувствовала себя обманщицей. Пусть я обманывала его, это не страшно, ведь он тоже меня обманывал, но как я могла

не заметить, что я обманываю себя?.. В общем, подобные мысли и завели меня в депрессию.

И до начала депрессивного периода в своей жизни я была всецело поглощена своим делом, но с его началом совсем ударились в крайность – стала настоящим, слетевшим с катушек трудоголиком. Спустя месяц после получения новости об участии молодого скалолаза, я вернулась из очередного похода с уставшей, но довольной группой латвийских туристов, и записалась на новый туристический проект. Если коротко: именно так я впервые в жизни отправилась на другой континент. Даже не задумываясь о том, что именно на том континенте погиб тот сексуальный скалолаз...

Аляска меня поразила своей красотой. Дикая природа как она есть, животные и птицы, которые не встречаются в Европе, горы, горные реки и озёра, бесконечные леса... Аляска до сих пор в моём сердце.

Я приехала туда вместе с шестью гидами из компании, в которой работала, по программе обмена опытом, и не была единственной женщиной в группе – было ещё две женщины лет сорока, с которыми я отлично ладила – так что я чувствовала себя уверенно. До тех пор, пока нас не разделили. Так я оказалась в группе Гарднера Шнайдера – немца, семь лет прожившего на Аляске и потому возомнившего себя если не местным, тогда точно профи. Он был на девять лет старше меня, высокий и крепкий мужчина, покрывший весь торс, руки и шею выразительными чёрными татуировками, подчёркивающими его стервозный характер. В общем, на протяжении двух месяцев, которые мы провели в пешем походе, он буквально изводил меня, за что я ему тоже устроила “весёлый поход с психологическими препятствиями”. Он мог запросто с утра пораньше подкинуть в мою палатку ящерицу или съесть мой бутерброд, а я запросто могла столкнуть его в реку или воткнуть его зубную щётку в муравейник. Наша война началась с того, что он назвал меня слишком “смазливенькой” и “маленькой” для подобного рода туризма, длилась она долго и в тот год закончилась ничьей: вернувшись в лагерь, я просто улетела назад в Швецию не попрощавшись со своим обидчиком, но при этом не забыв смазать дверную ручку его номера мёдом, таким образом ответив ему за свои наушники, которые он накануне нагло присвоил себе.

После возвращения в Швецию на старом месте работы я продержалась ещё пару месяцев, но в итоге, из-за недостатка, как для трудоголика, рабочего процесса, сорвалась, приняв предложение от немецкой туристической компании. Так я

попала в Германию и задержалась там почти на четыре года.

Спустя два года после первой поездки на Аляску я снова попала на эту дикую землю, в тот же лагерь, по той же программе, по которой прежде приезжала из Швеции. И снова встретилась с Гарднером Шнайдером, с которым мы сразу же решили продолжить нашу войну. Только на сей раз я знала немецкий язык, на котором он зачастую любил выражаться в моём присутствии, не подозревая об отсутствии языкового барьера с моей стороны. Так я оказалась на шаг впереди своего противника, а в середине пешего маршрута, спустя семь дней похода, узнала то, что знать, по его планам, не должна была. Он разговаривал с одним из немецких туристов, не знавшем меня и о моём знании языка, и проболтался ему, не обращая внимания на рядом сидящую меня, о том, что “очень сильно запал на меня”. Он не смущаясь говорил о том, как ему нравится мой острый ум и округлые бёдра, о том, что изводит меня только затем, чтобы я лишний раз думала о нём, о том, что пару раз я снилась ему в эротических снах... Не выдержав всё это слушать, я сделала вид, что отошла от костра, чтобы отлить в кустах, а сама, скрывшись в лесу, минут десять стояла у громадной сосны и пыталась понять, что я обо всём этом думаю и что испытываю. В итоге так и не поняла. Наступил следующий день, мы двинулись дальше, Гарднер продолжил цепляться ко мне, но я уже не могла реагировать на его выпады как прежде. Сначала я притворялась безразличной, потом просто уставшей, потом наши взгляды пару раз пересеклись и его нахальная улыбочка рассыпалась всякий раз, когда он смотрел мне в глаза. Он наверняка начал понимать, что я догадываюсь, потому что спустя всего сутки начал превращаться под одним лишь моим взглядом в самого настоящего идиота. Остроумный мужчина, способный в пух и прах разгромить любого, кто дерзнёт вступить с ним в словесную перепалку, вдруг стал блеять и отводить взгляд, стоило лишь мне смотреть ему в глаза дольше пяти секунд.

С момента случая со скалолазом прошло два года, в течение которых у меня не было интимных отношений. Я просто не была заинтересована в этом. Гарднер же очень сильно отличался от скалолаза (не знаю почему, но однажды я словила себя на мысли о том, что сравниваю их): скалолаз был всего на два года старше меня, Гарднер же был на целых девять лет старше, то есть на тот момент ему было полных тридцать два года, скалолаза интересовало только моё тело, Шнайдер же, в разговоре с приятелем, упомянул мой острый ум... Однако я всё ещё относилась к нему если не как к врагу, тогда как к противнику: рефлексивно, словно по мышечной памяти – ничего не могла с собой поделать.

В общем, всю последнюю неделю похода, после того заочного признания Гарднера в чувствах ко мне, я бессовестно одерживала победу в любой нашей стычке и получала абсолютное удовлетворение результатами нашей войны. Я не задумывалась, к чему в итоге могут привести подобные взаимоотношения, вплоть до последнего вечера перед прибытием в лагерь. В тот вечер произошёл переломный момент.

Изначально нас в этот поход вышло двенадцать человек, но за два дня до финиширования мы разделились. Один из участников похода, двадцатилетний парень, потянул связки голеностопа, что значительно повлияло на его скорость, а значит и на скорость передвижения всей группы. В итоге мы приняли решение разделиться: один опытный гид отправился с семью туристами вперёд, а двое остались в связке с пострадавшим и его другом, мужчиной лет тридцати. Двумя оставшимися гидами были я и Гарднер. Позже он признался мне, что специально подбил того гида, ушедшего вперёд, оставить меня с ним, а не пойти вместо него вперёд с остальными, но я и сама догадывалась в подтасовке результатов голосования. В конце концов, у меня острый ум – Шнайдер сам признал этот факт.

До лагеря нам оставалось всего три часа непрерывной ходьбы, но из-за усталости пострадавшего мы решили переночевать на берегу озера. Всё шло хорошо: мы установили палатки, разожгли костёр и поужинали лапшой быстрого приготовления. А потом я отошла в лес, чтобы отлить. Уже возвращаясь к озеру я услышала сильный хруст веток в лесу позади себя. Оглянувшись, я сразу же увидела громадного гризли, несущегося в мою сторону через весь лес. Он был всего в пятистах метрах от меня, когда рядом со мной вырос Шнайдер. Схватив корягу, больше напоминающую увесистое бревно, он побежал напрямик на медведя, при этом страшно бранясь во всё горло, так, что эхо его крика, как мне тогда казалось, разлеталось на многие километры в округе. Я же так и осталась стоять на месте, словно вкопанная, боковым зрением видя, как двое туристов, которые нас сопровождали, вместо того, чтобы по примеру Гарднера поспешить мне на помощь, кинулись бежать прочь.

Гризли, пришедший в шок от наглости Шнайдера, сначала остановился, а потом, когда между ними оставалось не больше двухсот метров, бросился бежать прочь. Для убедительности Гарднер пробежал ещё немного, и ещё некоторое время издавал устрашающие гортанные звуки, чтобы показать зверю, чья здесь территория.

Мы переспали этой же ночью. Когда туристы разошлись по своим палаткам, он подождал пару часов и пришёл ко мне. Моя палатка была маленькой, в отличие от его, которую он всегда разбивал чуть подальше от общего лагеря, ссылаясь на нелюбовь к звукам храпа своих попутчиков. Поэтому он благородно – слово, значение которого он редко понимал – постучал камнями у входа в мою палатку, чтобы выманить меня наружу. Я не спала, раз за разом прокручивая в голове произошедшее, раз за разом видя, как массивная спина Шнайдера возникает прямо передо мной, ограждая меня от рассвирепевшего животного, как он сам превращается в грозного зверя и бежит на медведя... А если бы медведь не остановился? Он бы напал на него, но не на меня – и Шнайдера это устраивало. Как такое вообще возможно?

Выйдя из палатки, я спросила, что произошло, что он решил побеспокоить меня посреди ночи. Гарднер сказал, что у него в палатке разошёлся какой-то шов и что он хочет попросить меня о помощи: пока я буду держать полотно изнутри, он заштопает его снаружи. Смотря ему в глаза, я почти была уверена в том, что он совершенно беззастенчиво лжёт, и всё же пошла с ним, потому что сама была не против.

В этот раз его палатка стояла ещё дальше от наших, и внутри она оказалась и вправду просторной – как три моих. Оказавшись внутри, я сразу же для приличия спросила, где именно произошёл разрыв, ну а дальше понеслось... Он повернул меня к себе лицом, резко и с силой начал целовать, сжимать мои бёдра, раздевать... Спустя два часа, лежа на голой груди Шнайдера, на которой не осталось ни единого не татуированного участка кожи, мне казалось, что это был лучший секс в моей жизни, потому что он не слезал с меня все эти два часа, за которые я трижды закончила. О том, что этот мужчина может в постели и больше, и лучше я узнала уже следующей ночью, когда мы добрались до лагеря и заселились в гостиничные номера.

Я прекрасно понимала, что меня в нём привлекает. Он казался мне таким взрослым, таким смелым и дерзким, по-своему красивым, так как действительно красивой его внешность назвать было сложно, потому что она была откровенно бандитской, он был сильным и сексуальным со всеми этими татуировками на его рельефном прессе, что всякий раз от одной лишь мысли о сексе с ним у меня начинали дрожать ноги. И так продолжалось очень долго.

Спустя неделю после нашего возвращения в лагерь наступил день моего отъезда, и Гарднер неожиданно, в ночь перед отлётом, после очередного

бурного секса в моём номере сообщил мне о том, что поедет в Европу вместе со мной и что он уже договорился для себя о месте гида в туристической компании, в которой работаю я. Я не успела толком переварить эту информацию, так как вслед за этой новостью последовал второй раунд в постели, а утром и следующие пару месяцев я была так утомлена непрерывными постельными марафонами, что и вовсе не задумывалась о том, как быстро и решительно Шнайдер всё устроил, как он буквально перевернул свой образ жизни, чтобы отправиться вслед за мной на другой континент. Фактически, спустя девять лет пребывания на чужой земле, он вернулся на свою родину не просто вслед за мной, а ради того, чтобы быть со мной. Я сразу, с первого нашего секса поняла, что он без ума от меня, но чем дольше продолжались наши отношения, тем больше я понимала глубину схождения с рельсов здравомыслия Шнайдера по мне. Он пожирал меня взглядом, пожирал меня ночами, пожирал меня ментально...

Сначала я думала, что он хочет всецело владеть моим телом, но очень скоро его страсть перекинулась на каждую сферу моей жизнедеятельности. Первое время мне было даже приятно и интересно наблюдать за тем, как такой brutальный мужчина буквально сохнет и сходит с ума из-за меня, но вскоре меня начало это сначала немного, а потом и сильно напрягать. Потому что я постепенно начала понимать, что таких сильных чувств и тем более такой сильной страсти, которые Гарднер испытывал по отношению ко мне, я не испытываю по отношению к нему. Да, мне действительно очень сильно нравился наш необузданный секс, нравилось то, как он защищал свою территорию, как жёстко обрывал попытки других парней флиртовать со мной, как дерзко он вёл себя со мной на глазах у людей, давая всем и каждому, даже мне, понять, чья я девушка... Но в какой-то момент я начала чувствовать недостаток кислорода в наших отношениях, причём отчётливо поняла, что источником моего удушья является Гарднер. И поняла я это, как ни странно, не после того, как по приезду в Германию он стал моим гидом-компаньоном, из-за чего мы не расставались ни на сутки, все походы проводя вместе, а по возвращению из гор неразлучно проводили дни и ночи в одном номере на двоих. Я поняла это когда спустя всего восемь месяцев наших отношений он стал настойчиво уговаривать меня познакомиться с его родителями и друзьями детства, жившими здесь же в Германии, в Нижней Саксонии. Знакомство семьями – это новый уровень отношений, тот, к которому я на тот момент определённо точно не была готова. Иными словами: я была готова к сексу с этим человеком, но не к тому, чтобы увидеть его детские фотографии и узнать наивные истории его родителей о том, как в пять лет этот негодный мальчишка украл велосипед у своего кузена, после чего последовали бы ещё более неловкие вопросы о том, не планируем ли мы, к примеру, сыграть

свадьбу. Кажется именно с этого момента я и поняла, что не тяготею к этому мужчине так, как он тяготеет по мне и от меня.

В итоге мы провстречались полтора года, последние несколько месяцев наших отношений находясь в постоянном напряжении: он, казалось, желал меня сожрать, вот только я никак не поддавалась его крепким зубам даже при тщательном пережёвывании. Подозреваю, что мы рисковали до сих пор продолжать эти жёсткие отношения, всё больше погрязая в животной страсти, может быть со временем я даже бы не поняла, как попала бы в сексуальное рабство этого слепо обожающего меня всю целиком человека, но полгода назад наша напряжённая связь оборвалась. Вернее будет сказать – я её оборвала. Но, естественно, не без его помощи – не без импульса, позволившего мне с чистой совестью прекратить эту безумную игру гормонов и феромонов.

Наш разрыв произошёл десять месяцев назад, в первых числах октября. Мы отправились в горы по привычному маршруту, на привычные семь дней и всё проходило как всегда гладко, до тех пор, пока один из пяти туристов, после второй выпитой им банки пива не начал флиртовать со мной при Гарднере. Произошла совершенно мелкая ссора, но мне не понравилось, как Гарднер повёл себя. Мне казалось, что того, что я не отвечаю на флирт, более чем достаточно, чтобы спустить парню хмельные высказывания о красоте моей фигуры и глубине моих глаз, но Гарднер не успокоился, пока парень не принёс свои извинения ему, как моему бойфренду. Думаю, если бы парень быстро не поддался давлению Гарднера, эта мелкая стычка даже могла бы перерасти в серьёзную драку, но парень был не из конфликтных, да и свидетелей этой, казалось бы, незначительной ссоры не было – остальные участники похода ушли к реке.

Гарднер уже давно уговорил меня не таскать на своих плечах лишнюю палатку и вместо этого разделять палатку с ним, так что той ночью, желая продемонстрировать ему факт того, что я задета его вызывающим поведением, я просто перетащила свой спальник к костру и провела ночь под открытым небом. Утром, когда я полоскала свою чашку в реке, он попытался со мной поговорить, но я вдруг отчётливо осознала, как же сильно мне надоела его манера примирительных переговоров. Вместо того, чтобы искренне извиниться за своё порой откровенно отвратительное поведение, он говорил что-то вроде: “Эй, крошка, не сердись, ты ведь знаешь какой у меня вспыльчивый темперамент”, – после чего насильно притягивал меня к себе и целовал в губы с проникновением в рот до тех пор, пока я не переставала сопротивляться. Зачастую, то есть в большинстве случаев, подобные перемирия практически

сразу заканчивались сексом за каким-нибудь деревом или в постели его номера, но в этот раз я не хотела, чтобы всё так случилось. Я хотела от него искренних извинений, хотела, чтобы он перестал так остро ревновать меня ко всем, кто считает меня красивой, а таких людей была масса, так как внешней красотой я и вправду не была обделена с тех пор, как пережила свой тяжёлый подростковый возраст, и хотела чтобы он начал наконец верить в мою верность ему. Поэтому, когда он в очередной раз попытался меня притянуть к себе, я просто выплеснула ему в грудь холодную ключевую воду из чашки и, пока он пытался понять этот жест, ушла прочь, собирать свои вещи.

Нам оставалось до лагеря всего полдня пути, во время перехода Гарднер пытался со мной проделать свою стандартную схему перемирия ещё пару раз, но всякий раз я обрывала ему удовольствие лёгкой победы. Я видела, что с каждой пройденной милей он злился всё больше и больше, и знала, что, скорее всего, по возвращению в лагерь всё закончится жёстким сексом, но не хотела верить в это. Кажется уже тогда я хотела поставить ему ультиматум: либо мы меняем ракурс своих отношений, что подразумевает способность к диалогу и к осознанным извинениям в серьёзных конфликтных ситуациях, либо нам необходимо будет взять паузу. Мне совсем не хотелось думать о том, как бурно Гарднер с его “вспыльчивым темпераментом” и всепоглощающей страстью ко мне может отреагировать на моё предложение устроить перерыв в наших отношениях. И всё же, спускаясь в тот день с горы, я понимала, что по возвращению в лагерь сделаю это – разбужу спящий вулкан, пусть он и угрожает сжечь всё в пределах своей досягаемости. Ведь рано или поздно извержение закончится и выжженная почва вновь станет плодородной... Примерно такие мысли крутились у меня в голове в то утро.

В начале второй половины дня мы начали стандартную процедуру спуска в ущелье на альпинистских верёвках, в привычном месте и с привычным снаряжением. После попадания в ущелье до лагеря нам оставалось всего полчаса размеренной ходьбы. Я проверяла крепление у двух туристов, в то время как Гарднер взял на себя трёх других. Проверив у своих, я уточнила у Гарднера, проверил ли он, достаточно ли надёжно закрепили своё снаряжение те туристы, которых он взял на себя. Он сказал, что проверил. Он определённо точно сказал, что проверил! Я до сих пор помню, что он сказал мне это... Поэтому я не проверила то, как те трое туристов закрепились – я доверяла Гарднеру куда больше, чем он мне. Поэтому я его не ревновала, поэтому не перепроверяла крепления вверенных ему туристов, которых, как он мне сказал, он отконтролировал.

Среди тех трёх туристов, крепления которых должен был проверять Гарднер, был парень, накануне пытавшийся со мной флиртовать. Высота была небольшой, меньше, двадцати метров, но она оказалась достаточной, чтобы разбиться насмерть. Парень был предпоследним спускающимся – обычно первой спускалась я, затем все туристы и только после спускался Гарднер, как сопровождающий гид. Я не видела, как он падал, а когда оторвала взгляд от своих шнурков, которые тщательно завязывала, он уже лежал распластавшись на камнях. Он мог бы упасть удачно, но упал головой на булыжник. Судмедэкспертиза установила, что смерть наступила мгновенно. Но тогда, увидев его с разбитой головой, я ещё не знала, что он мёртв. Я попыталась нащупать пульс, открывала его веки, подносила своё карманное зеркало к его носу... Потом я выкинула то зеркальце, очередной мелкий презент Гарднера.

Четверо оставшихся туристов сразу же бросились к лагерю. Позже мы получили выговор за то, что отпустили туристов без хотя бы одного гида, вместо этого вдвоём оставшись у тела. Но на момент вынесения официального выговора мне уже было по барабану – так совпало, что в тот день, спустя трое суток после произошедшего, я пришла к директору с заявлением об увольнении, а он, не зная об этом, объявил мне выговор. Увидев моё заявление, он порвал его на мелкие клочки, сказав, что никуда меня не отпустит, но, естественно, ему пришлось мне уступить уже спустя десять минут нашего откровенного разговора – я была непреклонна, а этот старик всегда очень хорошо ко мне относился, чтобы не понять моего состояния и решения.

Пока мы ждали помощи у тела туриста, между мной и Гарднером произошёл эмоциональный и максимально лаконичный диалог. Как только туристы исчезли из поля нашего зрения, я выпалила, пытаясь словить бегающий взгляд Гарднера:

– Ты проверял его крепёж?!

– Нет.

От столь короткого и максимально понятного ответа моё сердце в буквальном смысле остановилось, и только на следующем выдохе продолжило свой бой:

– Ты ведь сказал мне, что проверял!

– Да проверял я, проверял!

– Но ты ведь только что сказал...

– Я проверил, понятно, Теона?! Но когда я отошёл от него, он ещё что-то делал с верёвкой! Я за его действиями не следил!

Я была в самом настоящем шоке. До того злосчастного момента в моей практике ничего подобного не случилось... Я никогда не теряла туристов. Да что там: до сих пор я никогда не видела трупов так близко!

...Нас допрашивали в местном полицейском участке провинциальные полицейские из разряда тех, которые кроме собственноручно подстреленной утки в глаза больше не выдвигали трупов, преждевременно отправивших душу на тот свет по неестественным причинам. Обоих полицейских я отлично знала, они пару раз ходили в горы с сыновьями в моей с Гарднером группе, так что отношения у нас были, если можно так выразиться, доверительные. Из оперы: городок маленький, все друг друга знают, все друг другу улыбаются и машут, хотя за спиной скалятся и ненавидят. В общем, полицейские были лояльными – помнили, как я помогла одному из них похвастаться перед его младшим сыном словленной черепахой, а Гарднер научил одного из них разжигать огонь без помощи газовой зажигалки... В итоге допрос продлился хотя и долго – целый час – закончился он тем, что нас отпустили с пожеланиями спокойной ночи. Вот только никакой спокойной ночи быть у нас, а может быть только у меня, не могло.

Мы вышли на парковку полицейского участка в восемь часов вечера, но из-за темноты, рассекаемой всего парой тусклых фонарей, и гнетущей нелюдимости казалось, будто в округе сейчас глубокая ночь.

– Если хотел солгать про крепление, не нужно было входить в кураж и врать о том, кто именно должен был его проверить, – первое, что сорвалось с моих губ, когда мы оказались в центре пустой парковки.

– Детка, ты о чём?! Я ничего не ответил на этот вопрос! – Гарднер сделал шаг по направлению ко мне, но я сделала два шага назад и выставила руки вперёд, явно давая понять, что не желаю, чтобы он сейчас приближался ко мне.

– Это ещё хуже! – Это был тот самый редкий случай, когда эмоции встали у руля моего сознания. – У тебя спросили, кто именно должен был проверять крепёж этого парня, и ты должен был ответить, что проверять его должен был ты! Потому что это и есть правда! Но вместо этого ты промолчал! Своим молчанием ты указал на меня, потому что вторым вариантом являюсь именно я и потому что потом ты повёл себя словно супергерой: спустя предательскую минуту молчания ты посмотрел прямо на меня и сказал, что крепёж должен был проверять ты! Какой отличный психологический ход! Полицейские сразу распознали в твоей театральной паузе идеально разыгранную тобой жертвенность! Влюблённый парень наговаривает на себя, чтобы спасти свою девушку! Бинго! Виновник, вернее, виновница разоблачена!

– Изначально я вообще не хотел говорить, что я должен был проверять его крепёж...

– То есть ты хотел отмолчаться, типа это я должна была проверить?! – я едва на закричала во весь голос.

– Нет, Теона, детка, ты неправильно трактуешь мои слова...

– Куда ещё “правильнее”?! Давай, объясняй, пока ещё даю тебе время для твоих бредовых попыток!

Я никогда так прежде не разговаривала с ним. И потому не знала, какой реакции от него ожидать. Но, очевидно, он сам не знал как себя вести с такой мной.

– Я имел ввиду, что сначала я хотел вообще молчать, чтобы привлечь к этому делу, не знаю, какого-нибудь адвоката...

– О-о-о! Да ты бы этим только усугубил ситуацию!

– Я знаю, поэтому и... Парни полицейские оказались сговорчивыми, так что я на ходу изменил свою изначальную тактику... – он говорил, но я настойчиво перебивала его, не давая ему ни шанса сказать ещё больше страшных глупостей.

– Адвокаты нужны только тем, кто виновен, понятно?! Хотя, если так разобратся, всё очень даже просто! Я об адвокате даже не задумывалась, в то время как ты сразу подумал о нём! Почему, Гарднер?! Скажи мне, Гарднер, почему?!

– Ты к чему клонишь, – в его голосе послышалась первая нота металла.

– К тому, что ты солгал полицейским, сказав им, что крепёж ты проверил сам! Ты его вообще не проверял!

– Я проверял его, Теона!

– Ложь!

– Не ложь! Парень сам открепился!

– Ложь!

– Не ложь!

– Это ложь! И ты это прекрасно знаешь! Ты сам сказал мне, что не проверил! И это двойная ложь потому, что перед тем, как спускаться в ущелье, ты сказал мне, что крепление проверил, а когда парень уже лежал на камнях, первым, что ты ответил на мой вопрос о проверке крепления, было слово “нет”!

– Теона, детка... – он широко развёл руки, словно желая подойти ко мне ближе и обнять меня, но я сделала ещё один шаг назад к своему Volvo, на котором мы вместе сюда приехали.

– Окей, Гарнер, лови следующую мысль: допустим, что это случайность. Допустим, ты действительно проверил крепление парня, после чего тот сглупил и сам его ослабил. Знаешь, такой вариант развития событий никак не усугубил бы моего отношения к тебе. Возможно, я бы даже больше к тебе привязалась, пытаюсь утешить тебя в этом ужасе, ведь это было бы просто жуткой случайностью...

– Детка, но всё так и есть!

– Но то, что ты соврал, – совершенно не слушая собеседника, продолжала я, – даже не мне, а обо мне, промолчав на вопрос полицейского о том, кто именно был ответственен за этого парня во время спуска... Это разрушило бы всё в любом случае!

– Теона, успокойся, ты не понимаешь, что говоришь...

– Мне не нужен рядом человек, который убегая от опасности оставит меня позади себя с надеждой на то, что я бегаю медленнее него!!! – во весь голос выпалила я так, что мой крик пролетел эхом по парковке. – Я не должна была проверять тот крепёж! Его должен был проверять ты – вот та минимальная правда, которую ты без запинок должен был сказать тем полицейским не о себе, но обо мне! О себе ты мог плести всё что угодно, но обо мне – только правду! Обо мне правдой даже молчать! Но ты врал о себе и обо мне, словами и молчанием – всеми доступными разумному человеку способами! Не приближайся больше ко мне! Я больше не желаю тебя знать! Я никогда не буду вместе с лжецом!

Успев сесть в машину до того, как Гарднер успел до меня добраться, я заблокировалась и, пока он пытался взломать мою дверь, с третьей попытки завела свою развалину, и уехала оттуда, наблюдая в зеркале заднего вида за тем, как мой уже бывший бойфренд яростно бежит вслед за машиной. Увидев это, я поняла одну простую истину: если он настойчиво бежит за машиной, зная, что не догонит её, значит он просто так не оставит в покое человека, который находится в этой машине.

В тот же вечер, спустя всего десять минут после разрыва со Шнайдером, поспешно забрав все свои вещи из гостиничного номера, в котором мы с ним жили за счёт компании, я уехала в соседний, более крупный город, находящийся в пяти милях на север, и сняла номер в дешевом придорожном хостеле. Я прожила там две недели ровно, потом, однажды случайно увидев Гарднера неподалёку от моего хостела, поспешно сняла квартиру за баснословные деньги, в которой прожила ещё две недели.

В связи с случившимся компания без проблем предоставила мне бессрочный отпуск, из которого я в итоге так и не вышла. Само же дело погибшего в горах туриста, вместо того, чтобы стать резонансным, неожиданно быстро замялось и было официально объявлено закрытым всего по прошествии каких-то четырёх

недель с момента начала следствия. Судэксперты почему-то пришли к выводу, что крепёж был проверен одним из гидов, то есть Гарднером Шнайдером, после чего турист сам повредил надёжность крепления, что и привело к свершившемуся несчастному случаю. Возможно, дело завершилось именно так, как завершилось, потому что в крови погибшего парня нашли следы алкоголя – минимальное промилле, но оно было обнаружено. Возможно потому, что провинциальные полицейские ни на что не годны в подобных делах. Возможно ещё и потому, что турист оказался сиротой: никаких безутешных родственников или убитых горем друзей так и не отыскалось. Просто несчастный случай в горах – точка и никаких запятых. Я же, весь месяц ожидая повестки в суд, который так и не состоялся, размышляла над тем, что именно скажу, когда меня спросят. Я всё ещё что-то чувствовала к Гарднеру, чувствовала, что это что-то с каждым днём угасает во мне всё отчётливее и отчётливее, что это подобие чувства скоро превратится в остывший уголёк, превратится в ничто... Но тогда этот уголёк ещё только был на последнем издыхании, он не потух до конца, и я думала, терзала себя едва ли не каждую минуту своей жизни мыслями о том, что же именно я скажу, когда меня спросят. А я была уверена в том, что меня спросят...

В конце концов я решила, что скажу правду, что бы я ни испытывала по отношению к Гарднеру, потому что я быстро поняла, что не смогу жить с ложью. Не знаю, рассказала бы я о ссоре Гарднера с погибшим, случившейся накануне у костра, ведь это уже выглядело как мотив, а я почему-то не хотела верить в то, что Гарднер способен умышленно навредить кому бы то ни было... Нет, я исключала вероятность того, что Гарднер мог быть убийцей. Каким бы жёстким, а порой даже пугающим он ни был, на убийство он не был способен. По крайней мере на умышленное. Я это знала, потому что я спала с ним. А я не могла спать с убийцей...

В момент, когда меня оповестили о том, что никакого расследования, а значит и суда не будет, я всё ещё не решила для себя, рассказала бы я о стычке Гарднера с погибшим у костра. Но я твёрдо решила, что рассказала бы, что не видела, чтобы Гарднер не помогал погибшему с креплением, как и не видела того, чтобы он помогал ему. Я бы ответила, если бы у меня спросили, что считаю ложными слова Гарднера о том, что он проверял крепление, потому что первое, что он ответил мне, когда я спросила его о том, проверял ли он крепление погибшего, было слово “нет”.

Однако у меня никто не спросил. Вот так вот просто никто не взял и не спросил. Произошедшее в горах с лёгкого щелчка объявили несчастным случаем, всех

участников трагедии распустили: больше никаких ограничений по выезду за пределы страны. Я в тот же день официально расторгла контракт с компанией, в которой работала, собрала свои вещи и подалась в Швецию, к родителям, которые до сих пор ничего не подозревали о произошедшем. Они думали, что я просто рассталась с парнем, которого они никогда не видели в глаза, потому и депрессию. Я им так ничего и не рассказала, чтобы не беспокоить. Сама же впала во вторую в своей жизни и более серьёзную депрессию. Мысль о том, что я, возможно, покрываю серьёзное преступление, непреднамеренное убийство, сводила меня с ума. Я то хотела обратиться в полицию, чтобы самой, без навязывающих вопросов рассказать обо всём, что видела со своей колокольни, то забивалась под пледы и подушки, ругая себя словами о том, что, скорее всего, я просто всё перепутала, возможно Гарднер и вправду проверил крепление, а парень его сам позже ослабил, и если я сейчас расскажу полиции свою версию, и если она окажется ложной, я рискую испортить жизнь ни в чём не повинного человека...

“Ты никогда не узнаешь, как и что в этой истории было на самом деле. Так что успокойся. Потому что твои терзания – самые бессмысленные существа на этой планете, которых порождает именно ты. Убей их. Не нужно терзать себя тем, что тебе не дано знать”, – слова, принадлежащие моему старшему брату. Именно эти слова вывели меня из ступора, кризиса, депрессии... Услышав эти слова, я приняла их в свой мир и выдохнула с таким облегчением, что у меня едва не потемнело в глазах. Я перестала об этом думать. Вернее, посмотрела на всё под другим углом. Я приняла тот факт, что в действительности я ничего не знаю. И, как оказалось, знать не хочу. Потому что единственным человеком, который знал правду этой истории, был мой бывший парень. Потому что во время наших последующих “пересечений” я ни разу не спросила его об этой правде. Вот как я поняла, что знать её я не хочу. Просто, видя Гарднера Шнайдера на своём горизонте, я срывалась на бег в противоположную от него сторону, а не бежала к нему навстречу вопрошая о правде.

Я не желала знать правду, я желала сбежать от любой правды этой истории. К сожалению, сбегать приходилось часто.

Гарднер, как я и предполагала, наотрез отказывался оставлять меня в покое. Он с завидной регулярностью находил меня при помощи наших общих знакомых, которых я не успевала предупредить о своём расставании с ним. Дважды мне приходилось менять номер своего телефона, постоянно страховаться на новых туристических маршрутах просьбами знакомых не распространяться о моём

месте нахождения, но раз в пару месяцев информация всё равно каким-то образом просачивалась в руки Шнайдера, из-за чего мы сталкивались буквально лоб в лоб. Однако я всегда успевала сбежать от него прежде, чем он успевал бы выловить меня в безлюдном месте. В последний раз он нашел меня в Польше, за час до моего выхода на пеший маршрут. В тот день я сорвала для себя все планы на месяц вперед и уже спустя сутки была в Дании.

Шёл только второй месяц, как я не видела на своём горизонте силуэта Гарднера Шнайдера, из-за чего я начала чувствовать себя победившей в этой войне, которую я по-глупости когда-то перепутала с отношениями. Я лишь недавно, последние девять месяцев своей жизни, лишившись официальной работы и токсичных отношений с парнем, с головой уйдя в наполовину нищенское, но на сто процентов настоящее путешествие по этому свету, наконец начала чувствовать себя по-настоящему свободной. И вдруг... Стоя перед шлагбаумом, отделяющим меня от границы государства, со стороны которого в мою сторону стремительно надвигается толпа заражённых неизвестным вирусом людей и в котором всё ещё живут мои родители, место ощущения полной свободы в моей груди заняло новое, прежде не испытываемое мной чувство. Чувство абсолютной, безжалостно страшной незащищённости.

Глава 15.

Надвигающаяся со стороны шведской границы толпа была ещё достаточно далеко. Достаточно для того, чтобы принять скорее осознанное, нежели импульсивное решение.

– Теона, что ты делаешь? – Тристан заранее схватился за потолочную ручку, явно предугадывая ход моих дальнейших действий. Военный уже едва не отрывал мою дверную ручку, агрессивной нецензурной бранью требуя от меня немедленно открыть ему дверь. – Теона... – Тристан уже всем телом вжимался в своё сиденье. – Теона!

– Спиро, Клэр, закрывайте глаза!!! – выпалила я и, нажав на кнопку закрытия боковых зеркал, резко вжала педаль газа в пол до упора.

Да, всё-таки это было осознанное решение. Я отчётливо понимала, что прямо передо мной обезумевшая толпа зараженных людей, но больше всего меня пугала та автомобильная пробка, которая была за моей спиной. Сунуться назад я, конечно, могла, но подобное действие можно смело приравнять к суициду – мы бы неминуемо застряли где-то между запаниковавшими автомобилистами. Оставалось только бросаться вперёд – этот вариант, по крайней мере, не был столь категоричен в вероятности гибели. По крайней мере, мне так казалось.

Военный, ломящийся в салон нашей машины, едва устоял на ногах из-за моего резкого старта, и в следующую секунду шлагбаум, перекрывавший нам путь, с треском сломался о наш капот. Кажется, осознание того, что назад теперь я точно не поверну, пришло ко мне именно в этот момент – момент громкого треска шлагбаума. Где бы я после этого ни оказалась, похоже, теперь я буду двигаться только вперёд. Даже если это будет угрожать мне смертью.

Я почти сразу свернула на ближайшую к нам, левую обочину. Потому что отчётливо понимала, что в эти страшные секунды, которые по своей длительности будут походять на вечность, я поставлю всех нас под перекрёстный огонь.

Один-два-три-четыре-пять-шесть-семь-восемь-девять-десять-одиннадцать...

Первые выстрелы военных прозвучали спустя одиннадцать секунд после того, как я сломала шлагбаум. В своей жизни я ещё ни на что так не надеялась, как, тараня этот треклятый шлагбаум, надеялась на то, что стрелять военные будут не по нам. Потому что прицельный огонь по нам, как по движущейся мишени, значил бы для нас стопроцентное погибание в течение следующих двух-пяти минут.

Они стреляли не по нам.

Они стреляли не по нам! Не по нам!!!

В толпе заражённых людей, не останавливающейся ни на секунду, начали происходить падения – военные стреляли на поражение, но уже сейчас, в самом начале, для меня было совершенно очевидным то, что они не смогут отстрелить и половину из этой массивной толпы прежде, чем она доберётся до норвежской границы. Военные проиграли ещё до того, как взяли в руки оружие. Граница

пала.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/dar_anne/stal

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)